

Латыши по разные стороны фронтов Великой Отечественной войны

Л. М. Воробьева*

Смена режима в Латвии

Начавшаяся Вторая мировая война не только внесла коренные изменения в международную обстановку, но и сильно повлияла на экономическое и политическое положение Прибалтики, включая Латвию. В условиях вызванного войной прекращения судоходства на Балтийском море Латвия оказалась отрезанной от рынка сырья и сбыта. Торговля с Великобританией была почти полностью парализована. Германия стала основным внешнеторговым партнёром. Из-за нехватки топлива и сырья начался процесс свёртывания промышленного производства в стране.

Кризис затронул все отрасли промышленности. Он вызвал закрытие предприятий или перевод их на неполную рабочую неделю при сокращённом рабочем дне. Безработица снова стала приобретать массовый характер. Чтобы снять политическую напряжённость в городах, латвийские власти стали в принудительном порядке посылать рабочих на торфоразработки и лесозаготовки, а также в деревню, где они должны были за мизерную зарплату работать на хуторах у зажиточных хозяев. Эти меры регулировались изданным в мае 1938 г. «Законом об обеспечении работой и размещении рабочей силы». В соответствии с этим законом был создан правительственный орган — Латвийская централь труда. Без её разрешения ни один рабочий, не достигший 65-летнего возраста, не мог самостоятельно трудоустроиться. В мае 1940 г. был издан новый закон об обязательной трудовой повинности, по которому безработные, а также учащиеся и служащие подлежали отправке на работу в деревню. Эти меры усилили недовольство режимом Улманиса и были расценены как возврат к крепостничеству. Многие горожане отказывались уезжать в деревню.

Большие трудности испытывали и крестьяне. Порождённый войной и поставками в Германию по-

вышенный спрос на продукты сельского хозяйства и увеличение цен на них были выгодны крупным землевладельцам и главным образом монополистическим объединениям, которые скупали продукты у крестьян по низким ценам. Кроме того, «ножницы» между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию также складывались не в пользу крестьян. В 1939 г. было объявлено о продаже с молотка 5106 разорившихся крестьянских хозяйств¹.

Начавшаяся Вторая мировая война несла с собой не только экономические проблемы. Для Латвии и других прибалтийских стран значительно возросла угроза подвергнуться оккупации со стороны немецких войск, стать плацдармом для наступления на восток и быть втянутыми в осуществление военных целей нацистов. Первоначально Гитлер планировал нападение на СССР осенью 1940 г. В качестве составной части «плана Барбаросса» предусматривалось, что северная группа германских войск, сосредоточенная в Восточной Пруссии, должна будет прежде всего захватить Прибалтику².

По свидетельству английского посла в СССР Криппса, в новых обстоятельствах политика Советского Союза становилась исключительно реалистичной³. Благодаря поступавшим спецсообщениям внешней разведки СССР советское руководство было в курсе того, что представители правящей элиты Латвии вели секретные переговоры с Германией, а правительство Эстонии исходило из неизбежности аншлюса страны. То, что Прибалтика виделась нацистами как плацдарм для развёртывания германских армий, становилось совершенно очевидным.

В этих крайне тяжёлых исторических условиях Советский Союз продолжил политику укрепления восточного фронта против Германии и обеспечения безопасности в районе Балтики. В конце сентября и начале октября 1939 г. правительство СССР

* Людмила Михайловна Воробьева — ведущий научный сотрудник РИСИ (Российский институт стратегических исследований), доктор политических наук.

настояло на заключении пактов о взаимопомощи с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы.

Ввиду нараставшего недовольства масс внешней и внутренней политикой режима, а также перед лицом приближавшейся экономической катастрофы правительство Улманиса не посмело противиться давлению СССР, настаивавшего на заключении пакта о взаимопомощи и дружбе. Согласно подписанному 5 октября 1939 г. в Москве советско-латвийскому пакту, Советский Союз получил право разместить на территории ЛР ограниченный контингент вооружённых сил. Советская сторона считала это необходимым для обеспечения безопасности границ обоих государств и предупреждения попыток втянуть договаривающиеся стороны в развертывающуюся на континенте войну. Москва и Рига обязались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из них.

Заключенный пакт не ущемлял суверенные права Латвии и не затрагивал её государственного устройства. 18 октября 1939 г. в Москве было подписано также советско-латвийское торговое соглашение. Его реализация активизировала экономические связи между обоими государствами. В результате более одной трети внешнеторгового оборота Латвии стало приходиться на Советский Союз. Латвия получила право транзита через советские порты Белого и Чёрного морей. А дополнительные поставки из СССР сырья, горючего, материалов облегчили её хозяйственное положение и помогли смягчить последствия нарушенных в результате войны торговых связей с западными государствами. Заключение договоров с Москвой было одним из требований народного антифашистского фронта. Оно приободрило левую оппозицию, видевшую в договорах определенную гарантию недопущения новой немецкой оккупации.

Эмигрантские деятели из прибалтийских стран, историки ФРГ, США и других западных государств, а также сегодняшние прибалтийские политические элиты пытаются представить дело так, будто пакты с Латвией, Эстонией и Литвой, заключённые осенью 1939 г., были «противоправно» навязаны им и противоречили национальным интересам этих стран. При этом совершенно игнорируется международное право и военно-политическая обстановка того времени, побудившая СССР выступить с такой настоятельной инициативой. Необходимость подготовки отпора Гитлеру была в интересах не только Прибалтики, но и всей Европы. Это хорошо понимал, в частности, народ Латвии, не желавший снова оказаться под германским гнетом и отдавать свои жизни во имя реализации целей немецкого фюрера. Или гибельный путь подчинения гитлеровской Германии, или путь национального развития в союзе с Москвой — другой альтернативы в условиях начавшейся Второй мировой войны не было.

Пакт от 5 октября 1939 г., действительно, не отвечал интересам режима Улманиса, который прежде

лабиринтов между западными столицами сменил в течение 1938–1939 гг. устойчивым и нарастающим креном в сторону Берлина. Это находит подтверждение, например, в письмах посланника Латвии в Бельгии М. Валтерса к К. Улманису. Валтерс свидетельствует: «Неоспоримо то, что Латвия в своих доктринах ближе к Германии, чем к любой другой стране... Латвия потихоньку играет роль духовной провинции Германии»⁴. Прогерманские симпатии Валтерса разделяли и другие представители улманисовского режима. Например, министр финансов А. Валдманис (1938–1939), впоследствии тесно «сотрудничавший» с нацистскими оккупантами. «Друзьями Германии» в армейской верхушке были генералы К. Беркис, М. Хартманис, О. Данкерс и другие⁵.

Среди приверженцев режима Улманиса пакт вызвал недовольство и замешательство ещё и потому, что теперь, в отличие от ситуации 1919 г., латвийская буржуазия уже не могла рассчитывать на внешнюю военную поддержку в случае угрозы антиправительственных выступлений. Против заключения пакта было и правительство Германии, ведь срывались планы подготовки плацдарма в Прибалтике для нападения на Советский Союз. Однако занятая войной на западе и вынужденная во избежание открытия второго фронта выполнять свой договор с Москвой, Германия не смогла тотчас ответить на просьбы о помощи со стороны близких ей режимов и была вынуждена отодвинуть во времени реализацию своей политики на прибалтийском направлении.

Имеется достаточно свидетельств того, что правящая элита Латвии, враждебно настроенная к Советскому Союзу, не желала честно выполнять договор. Путём бесчисленных проволок она намеренно препятствовала осуществлению мероприятий по укреплению обороноспособности побережья Балтийского моря и всеми средствами стремилась ослабить боевую мощь советских гарнизонов и, прежде всего, в главных опорных пунктах — Лиепае и Вентспилсе.

Латвийские власти не только саботировали полномасштабную реализацию пакта, но и стремились активизировать деятельность Балтийской Антанты, оформившейся в 1934 г. и носившей явный антисоветский характер. Представители всех трёх прибалтийских государств в рамках «отрадного углубления дипломатического сотрудничества», подробно информировали друг друга по всем вопросам, связанным с размещением советских военных баз, включая секретные сведения о дислокации войск, их боеготовности и т. д. Эти сведения по «закрытым» каналам передавались другим иностранным государствам, включая Германию и Финляндию. Так, в ноябре 1939 г. прошла тайная встреча командующего Беркиса и начальника штаба латвийской армии Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отдела Абвера А. Целлариусом⁶.

В период реализации пакта власти пытались пресекать любые контакты граждан Латвии с красноармейцами. Согласно директивам министерства внутренних дел от 16 и 21 ноября 1939 г., все граждане Латвии, вступавшие в какие-либо разговоры с советскими военнослужащими, подлежали аресту. Резко усилилась антисоветская пропаганда среди населения, в армии, в школах. Всё это происходило на фоне строгого исполнения инструкций из Москвы, предписывавших советскому дипломатическому корпусу и командирам Красной Армии не вмешиваться во внутренние дела Латвии.

Самый сильный всплеск пропагандистских акций против Советского Союза пришёлся на период советско-финской «зимней войны» (ноябрь 1939 — март 1940 года). Советский полпред в Риге в декабре 1939 г. сообщал в Москву, что «с ведома властей и по их почину в Латвии распространяются самые нелепые и враждебные слухи о Красной Армии» и что властями создаётся «атмосфера грязи и злопахательства»⁷. Примечательно, что Англия и Франция, по-прежнему не проявлявшие никакой активности на фронте против гитлеровской Германии, за три месяца советско-финской войны передали Финляндии большое количество вооружения и снаряжения, а также прорабатывали планы возможного нападения на СССР через Финляндию и со стороны Баку.

Если бы произошёл конфликт западных союзников с СССР из-за Финляндии Улманис, несомненно, был бы на стороне Лондона и Парижа, но, конечно, с оглядкой на Берлин. Он имел все основания полагать, что дело идёт к общей войне Запада против СССР. В своём выступлении 10 февраля 1940 г. по радио и в печати Улманис призвал к тому, чтобы в каждой усадьбе один мужчина готов был надеть военную форму и обеспечить себя по крайней мере «двумя рубахами и сменами белья, двумя полотенцами и добротными сапогами». Давая понять, что каждый день может разразиться война против Советского Союза, Улманис добавил: «Я не стал бы об этом говорить сегодня, если бы дело не было весьма серьёзным»⁸.

В стране началась вербовка добровольцев в финскую армию. Не остался в стороне и отдел латвийской армейской радиоразведки. Он оказывал практическую помощь Финляндии, переправляя перехваченные радиogramмы советских воинских частей⁹. Офицеры, верные режиму Улманиса, грозили, что принудят части Красной Армии оставить территорию Латвии. Капитуляция финских войск, которой Англия и Франция безуспешно пытались воспрепятствовать, и подписание 12 марта 1940 г. советско-финского мирного договора поменяли расклад сил в регионе. Благодаря заключённому советско-финскому договору СССР улучшил свои оборонительные позиции против гитлеровской агрессии с отодвижением линии обороны на 150 км севернее Ленинграда до Выборга включительно. Это было

сделано исключительно своевременно, поскольку в марте 1940 г. Гитлер ввёл свои войска в Финляндию.

Взвешенную оценку действий СССР дал английский посол в Москве Криппс. Он, в частности, писал: «Несомненно, что советское правительство было намерено использовать занятость великих держав войной для урегулирования вопроса в отношении своих северо-западных границ тем методом, который она считала нужным перед лицом грозящих СССР опасностей. Мирный договор, заключённый с Финляндией 12 марта 1940 года, подтверждает это. Этот договор не преследовал цели мщения. СССР, по существу, взял территорию немного большую, чем он требовал до начала войны, причём никакой контрибуции наложено не было. [...] было ясно, что в случае войны она (т.е. Финляндия) будет на стороне Германии. Тем не менее советским правительством были сделаны некоторые усилия заставить финнов избрать правительство, которое было бы антигерманским и просоветским. Но эти усилия потерпели неудачу, так как немцы, более искушённые в пропаганде, сумели привлечь на свою сторону наиболее важные финские круги, которые могли непосредственно взять контроль над страной в случае опасности»¹⁰.

В апреле 1940 г. немцы заняли Данию и Норвегию, а в середине мая вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург.

В этой обстановке прибалтийские государства возобновили попытки по формированию сколько-нибудь дееспособного антисоветского блока. Важными вехами такой политики стали состоявшиеся в декабре 1939 г. и марте 1940 г. конференции министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы и наряду с ними, втайне от СССР — встречи и совещания высших офицеров армий всех трёх прибалтийских стран, посвящённые координации военного сотрудничества. Фактически к антисоветскому военному союзу Эстонии и Латвии, заключённому в 1923 г., присоединилась также Литва. Впрочем, каких-либо серьёзных результатов, выходящих за рамки консультаций по военно-политическим вопросам и обмена секретной информацией, к июню 1940 г. достигнуто ещё не было.

30 апреля 1940 г. правительство Улманиса, рассчитывая на скорое нападение Гитлера на СССР, утвердило закон о защите государства. В нем предусматривалась тотальная мобилизация всех ресурсов и средств страны для ведения войны. Разумеется, военные действия предполагались не на стороне Советского Союза — партнёра Латвии по пакту о взаимопомощи и дружбе. Новый закон давал широкие права и полномочия президенту, который, по сути дела, мог облегчить Гитлеру захват Латвии с последующим предоставлением в распоряжение воюющей Германии всех материальных и людских ресурсов страны.

В этот период, т.е. с осени 1939 г. по начало лета 1940 г. режим Улманиса предельно обнаружил свою неспособность решать нараставшие проблемы в стране. Растерянность и недовольство основной части

населения ещё более усилились в сложной международной и внутривнутриполитической обстановке начала Второй мировой войны.

В решении от 8 октября 1939 г. ЦК КПЛ указывал, что правительство Улманиса не пользуется поддержкой народа, и что оно не может надеяться на помощь других стран. «Моральная сила латышского народа, — подчёркивалось в решении, — теперь превосходит вооружённую силу клики К. Улманиса. Если массовое движение против ненавистной фашистской клики начинается в таких условиях, то репрессиями такое движение ликвидировать нельзя»¹¹.

Слабость режима осознавали и его сторонники. Так, в октябре 1939 г. начальник отдела военного министерства Латвии А. Кондратовский писал в армейской газете: «Мы с явным разочарованием смотрим вокруг и вдруг видим, что круг наших приверженцев внезапно сократился»¹².

М. Валтерс, посланник Латвии в Бельгии и один из ближайших друзей президента, в частных письмах к К. Улманису убеждал его в необходимости проведения реформ, чтобы спасти власть¹³. Считая, что крах режима неизбежен, если не будет решена конституционная проблема, Валтерс писал Улманису: «Не отмахивайся, друг, от этого словами, что создать народное представительство во время войны невозможно. С такими разъяснениями, самоуспокоением погибли уже различные режимы и такие слова давно известны». Валтерс не скрывал страха перед нарастающим недовольством масс и предупреждал: «Верь мне — настоящий май ещё впереди, намного ближе голосу народа, который теперь молча думает совсем иначе, чем это проявляется в праздничных торжествах»¹⁴.

Весной 1940 г. военный министр Я. Балодис и министр путей сообщения Б. Эйнберг в целях стабилизации политической ситуации решились на верхушечный переворот, предполагавший введение новой конституции и изменение состава правительства Улманиса. Однако переворот не удался. Новый проект конституции, разработанный в тайне и предназначенный для передачи в кабинет министров, по неосторожности «заговорщиков», попал в руки Улманиса, и оба министра лишились своих постов.

В целях сохранения своего господства «верхи» предпочли усилить репрессивно-охранительные меры. Были увеличены полицейские штаты и средства на их содержание, силовому аппарату вменялось в обязанность не допускать никаких обсуждений населением политических событий и действовать самым строгим образом. По стране прокатилась волна обысков и арестов. В апреле 1940 г. эти акции приняли широкий размах. Было репрессировано более 300 человек — члены КПЛ, СРКПЛ, СТМЛ и другие антифашисты. Политическому управлению удалось арестовать члена ЦК КПЛ А. Яблонского и ряд других активных деятелей партии. Полиция также сумела обнаружить нелегальную типографию газеты «Циня».

В связи с арестом большинства членов ЦК КПЛ был создан Временный оргкомитет КПЛ, в состав которого вошёл остававшийся на свободе член ЦК Я. Салнис, а также кандидат в члены ЦК И. Винхольде.

В целом в период с января 1939 г. по май 1940 г. в Латвии было репрессировано 2506 антифашистов¹⁵. Несмотря на кадровые потери, левые противники режима осознавали важность момента и продолжали готовить решающий удар по диктатуре Улманиса.

О ситуации, сложившейся в Латвии к началу лета 1940 г., свидетельствуют донесения политуправления. Так, в обобщающей информации от 1 июня 1940 г. отмечалось, что «в целом настроение рабочих неважное, среди них царит большое недовольство, и они открыто стали презирать существующий государственный строй Латвии... В мае 1940 г. настроение рабочих стало ещё левее». Политуправление также докладывало, что рабочие симпатизируют коммунистам и Советскому Союзу, что они уверены в неизбежности скорых перемен¹⁶. В результате состоявшейся 30 апреля 1940 г. беседы с министром общественных дел Латвии А. Берзиньшем посланник США в Риге Уайли писал своему правительству, что в Латвии резко возрасла антиправительственная деятельность левых сил¹⁷.

Спасение режима Улманис видел не только в усилении репрессий, но и в приближающейся войне Германии против Советского Союза. Выступая с декларациями о «дружбе и сотрудничестве» с Москвой, он на деле стремился разжечь в народе ненависть к Красной Армии и советскому государству. На случай, если режим падёт до начала войны против СССР, кабинет министров ЛР принял 17 мая 1940 г. секретный закон о чрезвычайных полномочиях латвийского посла в Лондоне. В соответствии с этим законом посол Зариньш получал право представлять и защищать за рубежом интересы латвийского государства, а также распоряжаться находившимися за границей золотым и валютным фондом, движимым и недвижимым имуществом Латвии. Окружение Улманиса рассчитывало оплатить из этих средств восстановление своей власти в стране. (Забегая вперёд стоит сказать, что после Второй мировой войны на эти средства содержались латышские эмигрантские организации и оставшиеся не у дел бывшие послы Латвии в Западной Европе).

В мае 1940 г. Гитлер в присутствии своих приближённых заявил: «Все балтийские государства должны быть включены в состав рейха»¹⁸. Латвийский посланник в Берлине Криевиньш сообщил в Ригу в конце мая 1940 г., что в Германии получили широкое распространение карты так называемой «новой Европы», на которых прибалтийские государства включены в состав Германии¹⁹.

В то же время СССР не предпринимал никаких других решающих шагов на прибалтийском направлении до нападения Гитлера на Францию и до того момента, когда стало совершенно очевидно, что результатом немецкого вторжения будет полный крах Франции. Капитуляция перед Гитлером этой круп-

нейшей державы Европы, обладавшей значительным военным потенциалом, оказалось для СССР такой же неожиданностью, как и для других стран. Никаких надежд на истощение германских армий Францией и Великобританией больше не оставалось. Германия была полнейшим хозяином в Европе и в случае необходимости могла двинуть все свои армии против Советского Союза. По свидетельству английского посла в Москве Криппса, в тот момент советское правительство имело перед собой исключительно серьёзную ситуацию. В результате этого оно пошло на изменение своей политики в том направлении, которое было найдено наилучшим. С точки зрения Криппса, эта новая политика имела четыре основных аспекта:

- Продвинуть, где только возможно, советские границы, чтобы отделить от них жизненные центры русской промышленности и получить большее пространство для манёвра в случае немецких атак.
- Угрозами или лестью добиться сотрудничества лимитрофных стран с Советским Союзом.
- Умиротворить немцев экономически во всём, за исключением поставок оружия.
- Не разрывать отношений с США и Великобританией, но и не сближаться с ними, чтобы не возбуждать немецкой враждебности²⁰.

Из вышеизложенного следует, что в оставшийся предвоенный год СССР действовал, сообразуясь с ухудшавшейся ситуацией и неотвратимой угрозой, нависшей над страной. Его политика не была результатом прямых соглашений с Гитлером, как это пытаются преподнести критики советско-германского договора. Если бы советские войска не вступили в Польшу, то, несмотря на договор, вся она была бы оккупирована гитлеровцами. Если бы СССР не отодвинул советско-финскую границу на 150 км от Ленинграда и Выборга, то это пространство контролировали бы немецкие войска. То же самое относится и к Прибалтике.

Падение режима К. Улманиса

Угроза превращения Латвии в плацдарм военных действий против СССР катастрофически нарастала, а дислоцированные на латвийской территории части Красной Армии подвергались всё большей опасности быть окружёнными и уничтоженными. Советское правительство, осознававшее все риски складывавшейся ситуации, 16 июня 1940 г. вручило латвийскому правительству ноту. В ней оно указало на нарушения правительством Улманиса условий пакта о взаимопомощи и дружбе, потребовало формирования нового кабинета, способного обеспечить честное выполнение пакта и ввиду усиления опасности со стороны Германии подняло вопрос об увеличении численности советских гарнизонов на латвийской территории, с тем чтобы они были в силах обеспечить защиту рубежей СССР и Латвии.

16 июня, после получения советской ноты, кабинет министров Латвии на своём чрезвычайном заседании принял решение удовлетворить требования советского правительства и уйти в отставку. Оставшийся на посту главы государства Улманис поручил всем бывшим министрам продолжить свою деятельность до образования нового правительства. Улманис не инициировал дипломатические протесты и не отдал приказ о военном сопротивлении в ответ на высказанные в советской ноте требования. Не собиравшись он это делать и после пересечения войсками Красной Армии латвийской границы. Обладая огромным опытом политического выживания в труднейших ситуациях, Улманис, по-видимому, решил не плыть против течения, надеясь удержать ситуацию в рамках благоприятных для своей власти сценариев.

Ночью 17 июня уполномоченный латвийской армии выехал на советско-латвийскую границу, чтобы договориться с представителями вооружённых сил СССР о порядке введения дополнительных частей советских войск на территорию Латвии. Предполагая, что население Латвии устроит новым воинским частям Красной Армии дружественную встречу, министр внутренних дел ещё 16 июня 1940 г. поставил перед полицией задачу: не допустить демонстраций, ибо это будет препятствовать «поддержанию порядка».

17 июня 1940 г. дополнительные части Советской Армии пересекли латвийскую границу. Вечером того же дня Улманис выступил с радиообращением к народу. Он объявил об отставке правительства и о том, что сохраняет за собой пост президента. Он также заявил, что вступление советских войск «происходит с ведома и согласия правительства и это, в свою очередь, вытекает из существующих дружественных отношений между Латвией и Советским Союзом»²¹.

Поскольку ввод дополнительных контингентов советских войск произошёл с согласия правительства Улманиса и при организационно-технической поддержке латвийских властей, то заявления о якобы имевшей месте «оккупации» юридически некорректны. Не вписывается в картину «оккупации» и реакция населения.

По призыву Временного оргкомитета КПЛ и активистов народного антифашистского фронта, а также по собственному почину многие жители Риги, Даугавпилса, Валмиеры и других городов с цветами в руках выходили на улицы, выстраивались вдоль дорог, движимые не только любопытством, но и искренним желанием приветствовать красноармейцев.

Воодушевление и ликование внушительной части народа передают кадры кинохроники и многочисленные фотографии, запечатлевшие это событие. Современные латышские историки предпочитают делать акцент на то, что особенно радовались приходу советских войск представители латгальской, русской и еврейской национальностей. Остаётся только непонятным, как им удалось дифференцировать

национальный состав значительных масс населения, вышедших встречать красноармейцев, и определить процент латгальцев, русских и евреев. В отношении же русских следует сказать, что определенная их часть имела белогвардейское прошлое и радоваться приходу советской армии уж точно не могла.

Безусловно, советские представители были заинтересованы в той благожелательной встрече, которая была оказана красноармейцам. Однако сами «организовать» массовую поддержку населения в принудительном порядке в тех условиях, конечно, были не в состоянии. Точно так же они не смогли бы предотвратить возможные нападения на колонны бронетехники по пути их передвижения. Но таких случаев просто не было (за исключением одного пограничного инцидента накануне, носившего, по-видимому, случайный характер).

Дружественный характер встречи были вынуждены признать и члены дипломатических миссий. Так, английский посланник Орд в телеграмме в Лондон от 18 июня отмечал, что «значительная часть населения встретила советские войска приветственными возгласами и цветами»²².

Встречи частей Советской Армии перерастали в демонстрации и митинги с требованиями создать новое демократическое народное правительство. Ситуация, явно, выходила из-под контроля властей, обескураженных стремительным развитием событий. Чтобы разогнать демонстрации в Риге и не допустить их возобновления, власть использовала полицейских и айзсаргов, а к концу дня вызвала воинские части. В результате 29 демонстрантов были ранены, двое из них скончались. Количество избитых и арестованных исчислялось сотнями. Понесли потери и защитники режима Улманиса. По их данным, 57 полицейских получили ранения от брошенных камней, а трое — колотые раны. 17 июня 1940 г. в Риге было введено осадное положение. Жителям столицы не разрешалось покидать квартиры с 10 часов вечера до 4 часов утра и собираться на улицах группами более 4 человек. 19 июня осадное положение было распространено на всю Латвию.

Официальная печать, комментируя события в Риге, заявила, что инциденты и жертвы в Риге произошли по вине самого населения, якобы нарушившего движение красноармейцев и недружественно отнёсшегося к приходу Советской Армии²³. Советское полпредство в Латвии выступило со специальным опровержением этих пропагандистских выпадов. В нем подчеркивалось, что население не нарушало движения советских войск, и командование полностью удовлетворено сердечной встречей и приветствиями жителей²⁴.

В попытке предотвратить радикальные изменения в системе власти под давлением масс, режим Улманиса использовал привычные репрессивные меры. Полиция и айзсарги в городах и сёлах производили аресты активных участников политических

акций и избивали задержанных. Но переломить ход событий они уже не могли. На действия обанкротившегося режима рабочие отвечали забастовками и новыми массовыми демонстрациями.

Бывшие правые лидеры ликвидированной социал-демократической партии, а также экс-активисты буржуазных партий, не участвовавших в государственном перевороте 1934 г., попытались с помощью закулисных махинаций перехватить власть. Они выступили с проектом отстранения Улманиса от власти и создания коалиционного правительства во главе с бывшим председателем сейма правым социал-демократом П. Калныньшем. Однако представителям прежнего центристского и правого политического спектра не удалось реализовать свои предложения по новому составу правительства потому, что, отсидевшаяся долгие годы в тени режима Улманиса и не оказывая ему сопротивления, они растеряли своё влияние на политические процессы в стране. Они не стали мощной подпольной силой, с которой Москве в лице её представителей²⁵, видевших правительство ЛР значительно левее, пришлось бы считаться в июне 1940 г. Следует отметить, что бывшее руководство ряда легальных партий, существовавших до 15 мая 1934 г., охотно шло на контакты с советскими представителями, но не могло представить убедительных аргументов своей политической состоятельности в новых условиях²⁶.

При общей деморализации среди бывших парламентских партий стремительно набирал силу «народный антифашистский фронт», идейным ядром которого выступала КПЛ. В июньские дни 1940 г. он продемонстрировал, что может предложить актуальные лозунги и вывести на улицы критические массы народа, способные поддержать смену власти. Под давлением массовых народных выступлений и прагматично оценивая новый расклад сил, Улманис уже вечером 20 июня был вынужден утвердить новое правительство Латвии, готовое к тесному сотрудничеству с СССР.

Это правительство, выступившее под названием народного, возглавил известный учёный и общественный деятель, активный участник революции 1905–1907 гг. профессор А. Кирхенштейн. В состав правительства вошли видные представители демократической интеллигенции — известный писатель В. Лацис (министр внутренних дел), генерал Р. Дамбитис (военный министр), журналист П. Блаус (министр общественных дел), журналист Ю. Лацис (министр народного благосостояния, и.о. министра просвещения), адвокат Ю. Паберз (министр юстиции), инженер Я. Ягарс (министр путей сообщения), общественный деятель В. Латковский (товарищ министра внутренних дел). В последующем состав нового правительства был расширен.

В формировании «народного правительства» была задействована Компартия Латвии. Так, в его состав сразу же вошли тесно сотрудничавшие с ЦК

КПЛ В. Лацис и В. Латковский, а затем — коммунисты А. Табакс (государственный контролёр), Я. Ванас (министр земледелия) и К. Карлсонс (министр финансов). Некоторые члены нового правительства прежде состояли в различных парламентских партиях, однако после государственного переворота 15 мая 1934 г. все эти партии были распущены и прекратили свою деятельность. Так что на момент формирования «народного правительства» никаких других партий, помимо вышедшей из подполья КПЛ, не существовало. Этот факт уже в июне 1940 г. служил объяснением того, почему же, кроме коммунистов, представителей каких-либо других политических партий в новом правительстве не оказалось. Отсутствие на политическом ландшафте других политических партий облегчило Компартии Латвии борьбу за власть.

21 июня 1940 г. КПЛ организовала в Риге 70-тысячную демонстрацию в поддержку нового правительства. Вначале демонстранты двумя мощными потоками двинулись к зданиям Рижской срочной и центральной тюрем, чтобы приветствовать политзаключённых, освобождаемых законом об амнистии, принятом на первом заседании нового правительства и вступавшим в силу в 13 часов. Среди вышедших на свободу политзаключённых были члены ЦК КПЛ О. Аугусте, К. Гайлис, Я. Калнберзин, А. Нуржа, Ж. Спуре, А. Яблонский, члены Рижского комитета партии и местных парторганизаций.

После митингов у зданий тюрем колонны демонстрантов направились к центру города и слились в один многолюдный поток длиной в несколько километров. По пути следования демонстрантов состоялись митинги вначале у посольства СССР в Латвии, а затем у здания правительства.

На втором митинге министр внутренних дел В. Лацис зачитал декларацию, принятую новым кабинетом. В ней было сказано, что правительство считает своей задачей повышение материального благосостояния народа и уровня его образования, а также обеспечение политической свободы всем, кто был её лишён во время фашистского режима. В декларации указывалось, что во внешней политике кабинет будет стремиться обеспечить мирные и дружественные отношения со всеми государствами и в первую очередь — с Советским Союзом. Первоочередной задачей правительства будет честное выполнение пакта о взаимопомощи и дружбе, заключённого между Латвией и Советским Союзом 5 октября 1939 г.

Представители КПЛ и рижских рабочих — Э. Бриедис, А. Кадикис и др. вручили правительству от имени участников демонстрации трудящихся Риги требования КПЛ. Они были оглашены перед демонстрантами. Министр-президент А. Кирхенштейн сказал, что платформа КПЛ «не противоречит декларации правительства», и обещал выполнить содержащиеся в ней требования.

Первое заседание правительства открыл президент Улманис. Своё обращение к новому кабинету

он закончил словами: «Убедительно призываю благожелательно содействовать размещению находящихся в нашей стране воинских частей Советского Союза и урегулированию условий их жизни»²⁷. Этот политический жест, в искренность которого мало кто мог поверить, отражал желание экс-диктатора самосохраниться при новом режиме, проявив «гиперлояльность» перед Москвой.

22 июня 1940 г. Франция капитулировала перед Германией. Это был полный провал политики умиротворения, отказа от коллективной безопасности и курса на изоляцию СССР. В этот же день на страницах газеты «Циня» была опубликована платформа КП Латвии. Она предусматривала тесное экономическое, политическое и культурное сотрудничество с Советским Союзом, ликвидацию фашистских организаций и разоружение их членов, равноправие всех национальностей, демократизацию политического строя, государственного и судебного аппарата, обеспечение политических свобод трудовому народу, создание народной армии и милиции, улучшение материального и правового положения рабочих, служащих, мелких крестьян, ремесленников, рыбаков, совершенствование системы народного образования и медицинского обслуживания населения, проведение выборов народного представительства на основе всеобщего и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Наряду с общедемократическими в июньской платформе КПЛ содержались и социалистические требования, которые предполагалось осуществить в ближайшем будущем. Так, например, предусматривалось ввести контроль над крупными частными банками и промышленными предприятиями (вопрос о национализации крупных предприятий решит избранный народом парламент). Было также указано, что подлежит конфискации собственность крупных земельных собственников, причём считалось целесообразным оставить прежним владельцам землю и постройки в размере среднего хозяйства (30 га), а остальное использовать для наделения безземельных и малоземельных крестьян. Следует отметить, что данный вариант решения земельного вопроса коренным образом отличался от проведённой позднее коллективизации латвийского сельского хозяйства (в основном завершена в конце 1940-х гг.).

С образованием нового правительства КПЛ фактически легализовалась, формально же это произошло 28 июня, когда был изменен закон об обществах и союзах. 21 июня состоялось заседание ЦК КПЛ, избранного в феврале 1939 г. на XXVI конференции. Первым секретарём стал Я. Калнберзинь, вторым секретарём — Ж. Спуре, редактором центрального печатного органа КПЛ газеты «Циня» — А. Яблонский. Секретариат ЦК КПЛ действовал до октября 1940 г. Затем вместо него было создано бюро ЦК КПЛ в составе 7 человек.

К моменту легализации в рядах КПЛ насчитывалось около 1000 человек. После 21 июня число

членов партии значительно увеличилось, поскольку в парторганизации вернулось несколько сотен освобождённых из заключения коммунистов, а также участники гражданской войны в Испании, вынужденные во время правления Улманиса жить в эмиграции в странах Западной Европы. Кроме того, ряды партии стали пополняться за счёт участников нелегальной деятельности КПЛ из числа сочувствующих, за счёт левых социал-демократов, рабочих, крестьян, представителей интеллигенции. В связи с ростом количества членов партии создавались новые кружки и ряд новых районных организаций.

Президент К. Улманис, сохранявший свои полномочия до 21 июля 1940 года²⁸, продолжал действовать в духе требований текущего момента. Так, он распорядился выделить крупную сумму денег для компартии и коммунистов, оказавшихся жертвами политических репрессий в годы его правления. Историк Гатис Круминьш недавно обнаружил в латвийских архивах новое свидетельство политического оппортунизма «вождя» латышского народа. Это — уведомление в адрес ЦК КПЛ от 12 июля. В нём сообщалось, что «президент государства К. Улманис, учитывая внезапное увеличение количества лиц, нуждающихся в поддержке по линии Латвийской Красной помощью, сегодня внес на эти нужды 5000 латов, поручив перечислить эту сумму на текущий счет Латвийской Коммунистической партии на почте № 12545»²⁹. Этот жест К. Улманиса вызвал бурную дискуссию в сегодняшнем латвийском обществе, которому трудно примирить мифологический образ Улманиса как «отца-основателя» с его ролью «могильщика» независимой Латвии. В связи с этим следует сказать, что свою роль «могильщика» Улманис сыграл не в июньские дни 1940 г., когда он уже ничего не мог изменить, а гораздо раньше, совершив государственный переворот 15 мая 1934 г. и взяв курс на сближение с гитлеровской Германией.

Первые недели работы правительства Кирхенштейна ознаменовались оживлением и либерализацией общественной жизни Латвии. Было возвращено гражданство политическим эмигрантам, аннулированы прежний договор с Эстонией и соглашение о создании Балтийской Антанты, прекращена деятельность наиболее одиозных структур авторитарного режима (разоружены айзсарги, ликвидированы Трудовая централь и система «камер»), отстранён от должности ряд сотрудников репрессивных органов, отменены для горожан принудительные трехмесячные работы в сельской местности, повышена на 10–15% зарплата промышленным рабочим. Эти действия обеспечивали популярность нового кабинета.

Легитимность нового правительства для различных сегментов расколотого войной международно-го сообщества была подтверждена состоявшейся 26 июня официальной церемонией представления А. Кирхенштейну (совмещавшему пост премьер-министра с должностью министра иностранных дел) глав дипломати-

ческих миссий, аккредитованных в Риге: Ф. де Селиоса-Фансона (Бельгия), Ч. Ф. Орда (Великобритания), Дж. Уайли (США), Г. фон Котце (Германия) и др.

Установление советской власти

Важнейшим политическим событием начавшихся преобразований в Латвии стали выборы в Народный сейм, который должен был решить вопрос о будущем государственном устройстве страны. Выборы были проведены 14 и 15 июля 1940 г. на основе принятых правительством законов о проведении выборов в сейм и о внесении изменений в избирательный закон Латвии от 9 июля 1922 г. Изменения сводились к снятию недемократических ограничений избирательных прав граждан. Было установлено, что выборы Народного сейма должны быть всеобщими, равными, прямыми, при тайном и пропорциональном голосовании. Избирательное право получили все граждане Латвии, достигшие к дню выборов 21 года. Равенство выборов обеспечивалось, например, тем, что, в отличие от периода до 1934 г., каждый избиратель имел один голос. Право голоса получили военнослужащие. Ранее в выборах принимали участие только те из них, кто проходил службу по месту своего постоянного жительства. Активное и пассивное избирательное право предусматривалось и для представителей свергнутого режима Улманиса. Кандидатов в депутаты могли выдвигать общественные организации и группы граждан, предоставившие в избирательные комиссии списки, подписанные не менее 100 избирателями.

Официальные историки современной Латвии оценивают этот закон как нарушение Конституции 1922 года. Они считают, что для его принятия было необходимо «пересозывать» состав сейма, распущенного Улманисом в 1934 году³⁰. При этом они не хотят принимать во внимание тот факт, что легитимный срок старого депутатского корпуса давно истёк. Кроме того, правительству Кирхенштейна приходилось в срочном порядке ликвидировать многие последствия антидемократического и антиконституционного переворота 15 мая.

Сразу же после опубликования 5 июля 1940 г. законов о проведении выборов развернулась избирательная кампания. Коммунисты впервые после 20 лет пребывания в подполье в полной мере использовали легальные возможности агитации и убеждения масс. В ходе предвыборной кампании был сформирован (с участием в конфиденциальных консультациях советских представителей) Блок трудового народа Латвии. Он объединил все 26 созданных к тому времени отраслевых профсоюзов, Союз трудовой молодёжи Латвии, «Красную помощь», представителей армии, культурные, спортивные и другие общества и организации.

6 июля 1940 г. была опубликована избирательная платформа Блока трудового народа, которая предусматривала коренное улучшение положения

населения. В название этого документа был вынесен лозунг «За мир, за хлеб, за свободу народа!». 350 тыс. экземпляров избирательной платформы Союза трудового народа Латвии было разослано по всей стране. О признании платформы население заявляло на многотысячных манифестациях, митингах, собраниях. Некоторые активисты выступали с прямыми лозунгами установления в Латвии советской власти.

Объектом критики является крайне малый срок, отведенный на избирательную кампанию. Но ведь в Европе шла война, и стремительные темпы изменения международной обстановки требовали быстрых и оперативных решений. Оставлять Латвию на неопределённый срок без законодательных органов власти, когда враг стоял у ворот, только ради того, чтобы дать передышку представителям свергнутого режима, ожидавшим прихода Гитлера, было бы не только неразумно, но и политически наивно.

Конечно, коммунисты в полной мере использовали то привилегированное положение, в котором они оказались к июлю 1940 г. после 20 лет подполья. Они быстро развернули свои организационные структуры и составили внятную предвыборную программу. И даже если бы полностью отсутствовало «подыгрывание» им со стороны Москвы, всё равно у сил, противостоявших КПЛ, не было реальных шансов в той обстановке жажды перемен получить весомое представительство в сейме. Решающую роль при этом сыграл фактор ненависти значительной части населения к режиму Улманиса. В обстановке эйфории и непримиримости на них смотрели как на свергнутых, проигравших, бывших политических игроков. Кроме того, антикоммунистические силы были дезорганизованы и деморализованы стремительным ходом событий. Они не имели единого плана и общего руководства в предвыборной борьбе, поскольку буржуазных партий не существовало, а фашистские и профашистские организации в конце июня — начале июля 1940 г. были распущены. Попытки прибегнуть к подкупу, угрозам и запугиванию населения только вредили им. Так, бурю негодования вызвали изготовленные на гектографе листовки, в которых избиратели предупреждались, что через несколько дней в Латвию вступят войска гитлеровской Германии и расправятся со всеми голосовавшими за представителей Блока трудового народа. Обратный эффект имели и случаи преследования прокоммунистически настроенных солдат со стороны офицеров. Несмотря на их противодействие, в полках состоялись собрания солдат, которые в массовом порядке переходили на сторону Блока трудового народа.

Из 17 списков кандидатов, поступивших в Центральную избирательную комиссию Латвии, только 5 списков Блока трудового народа отвечали всем требованиям избирательного закона. Остальные были признаны недействительными, поскольку не были поддержаны ни на одном предвыборном собрании. Фигурировавшие в них кандидаты вызывали оттор-

жение у большинства избирателей, так как они или представляли прежнюю власть на всех её уровнях, или, как считалось, смогли при ней хорошо устроиться. В результате кандидаты, воспринимавшиеся в народе как представители улманисовского режима, не смогли воспользоваться пассивным избирательным правом. Безусловно, это было отсечение слабых конкурентов, но не по формальным, а скорее по неформальным признакам. С позиций сегодняшнего дня можно говорить о слабо развитом правосознании латвийских граждан и тех же коммунистов. Но эта критика, чтобы быть справедливой, должна быть направлена не в адрес населения Латвии, а в адрес её этнополитических элит. На заре латвийской государственности они заявили о своей приверженности демократии, но приняли закон о запрете компартии и выдавили её из легального политического процесса. Они не встали на защиту парламентаризма, когда Улманис совершил государственный переворот и установил профашистскую диктатуру в стране. Несомненно, политические последствия улманисовского авторитарного правления сказались и на избирательной кампании лета 1940 г. Тогда мало кто сочувствовал политикам, прежде не перечившим воле «вождя», а теперь не допущенным к пользованию пассивным избирательным правом. Тем более что эти политики из числа правых, националистов и центристов не могли упрекнуть левые силы в том, что в своё время вели себя иначе, т. е. относились к идейным противникам, руководствуясь демократическими ценностями, и были более терпимыми. Так что в те июньские дни улманисовский авторитарный режим без особых проблем начал трансформироваться в государство «диктатуры пролетариата», которым был в то время СССР³¹. В этих условиях выборы превращались в референдум о доверии правительству и кандидатам Блока трудового народа.

За два дня до выборов с речью по радио выступил глава правительства проф. А. Кирхенштейн. Обращаясь к народу, он сказал, что «все настоящие патриоты Латвии должны отдать свои голоса кандидатам Союза трудового народа Латвии». Он заявил также, что правительство выполнит задачи, возложенные на него народом, а избранники трудящегося народа — депутаты нового сейма — разработают конституцию, которая самыми тесными узами свяжет Латвию с её великим историческим соседом Советским Союзом³².

В выборах в Народный сейм Латвии приняли участие 94,8% граждан, имевших право голоса. За кандидатов Блока трудового народа Латвии отдали свои голоса 97,8% пришедших на участки избирателей. Представители сил, бывших опорой режима Улманиса, в день выборов намеренно портили бюллетени. Около 60% испорченных бюллетеней приходилось на избирательные округа Видземе и Земгале. Именно в этих районах Латвии было сосредоточено наибольшее количество зажиточных крестьянских хозяйств, которые больше всех выиграли от аграрной

реформы Улманиса. Так, в Видземе из 12 086 испорченных бюллетеней на сельскую местность пришлось 10 771, а на город всего 1315 бюллетеней³³.

Исход выборов был предрешен большим доверием народа к правительству Кирхенштейна, широкой агитацией в печати и по радио, самим фактом проведения голосования после 6 лет авторитаризма. Задним числом современные латышские историки указывают ещё на одну причину столь высокой явки — опасения остаться без штампа в паспорте от избирательной комиссии. М. Вирсис в этой связи отмечает: «Правда, отметка в паспорте об участии избирателя в выборах соответствовала прежнему порядку выборов в сейм, однако настойчивые призывы участвовать в них вызывали у избирателей опасения о возможных репрессиях в связи с отсутствием подобной отметки»³⁴. В то же время М. Вирсис не говорит о том, что избиратели в условиях тайного голосования незаметно могли испортить бюллетени — некоторые именно так и поступили.

Депутаты Народного сейма Латвии по роду занятий распределились следующим образом: 22 человека — рабочие, 3 — сельскохозяйственные рабочие, 13 — крестьяне, 17 — работники свободных профессий, 14 — общественные деятели, 5 — военнослужащие, 14 — служащие, 11 — преподаватели высших учебных заведений и учителя, 1 человек — торговец³⁵. Депутатами были избраны коммунисты — Я. Калнберзин, Ж. Спуре, Р. Нейланд, Ф. Делав, М. Биркенфельде, П. Плесум, И. Палдынь, А. Матисон и др., известные общественные деятели, учёные, писатели — А. Кирхенштейн, В. Лацис, В. Латковский, Ю. Паберз, П. Галеник, Ю. Лацис, А. Упит, А. Рудевиц и др.

Выборы в Народный сейм стали своего рода плебисцитом, подведшим черту под старым режимом. Они явились важной вехой на пути восстановления советской власти в Латвии, дважды насильственно свергнутой — в 1918 г. и 1919–1920 г. — с иностранным военным участием.

Правительство Латвии 20 июля приняло поправки к закону о полномочиях президента страны, согласно которым с момента созыва сейма обязанности президента страны исполняет министр-президент (председатель правительства). Таким образом, К. Улманис отправлялся в отставку. Протестов с его стороны не последовало. 22 июля Улманис направил в Министерство благосостояния уже Латвийской ССР прошение о предоставлении ему пенсии, в котором в качестве основания для просьбы указывал на свою «политическую деятельность в освободительном движении» с 1905 г. и статус «преследуемого царским правительством»³⁶.

21 июля 1940 г. в Риге Народный сейм Латвии собрался на своё первое заседание. Оно проходило в обстановке широкой гласности. На заседании присутствовали многочисленные делегации рабочих, крестьян, интеллигенции, представителей ар-

мии, корреспонденты газет. В повестку дня были включены вопросы, ставшие основными лозунгами многотысячных демонстраций: о восстановлении советской власти в Латвии, о вступлении Латвии в состав СССР, о национализации земли, банков, крупных промышленных и торговых предприятий. После принятия повестки дня, когда стало ясно, что будет решаться вопрос о восстановлении советской власти, присутствовавшие на открытии заседания дипломатические представители иностранных государств покинули зал заседания Народного сейма.

После обстоятельного обсуждения Народный сейм принял декларацию «О государственной власти». В ней провозглашалось установление советской власти на всей территории Латвии, а Латвия объявлялась Советской Социалистической Республикой. Одновременно с вопросом о власти был решён вопрос о вступлении Латвии в состав Союза ССР в качестве равноправной союзной республики. Необходимость вступления обосновывалась общностью исторических судеб с народами СССР, общностью революционной борьбы, идеалов и целей этой борьбы. Кроме того, в СССР проживало значительное количество латышей. Поскольку почти каждая латышская семья имела здесь родственников, то вхождение Латвии в Советский Союз означало для многих и возобновление родственных связей.

Среди обстоятельств, обусловивших вступление Латвии в Союз ССР, важную роль играла конкретная международная обстановка лета 1940 г. Опыт 1919 г. учил, что одно только провозглашение советской власти не даёт твёрдой гарантии защиты социалистической государственности от внешних покушений на её существование. «Каждый из нас понимает, — говорил писатель и министр В. Лацис, — что есть только один путь, который обеспечит суверенность нашего государства, расцвет нашей страны... — это вступление Латвии в состав Союза Советских Социалистических Республик»³⁷.

Декларация Народного сейма Латвии гласила: «Наш народ связан с братскими народами Союза Советских Социалистических Республик прочными узами многих и многих лет революционной борьбы с царизмом, капиталистами и помещиками, угнетавшими русских и латвийских рабочих и крестьян. Настал час эти узы закрепить навечно. Латвийский народ, вступив в братскую великую семью счастливых народов страны социализма, развернёт все свои богатые творческие силы и рука об руку с трудящимися Советского Союза пойдёт вперёд по пути строительства новой жизни. Только в составе Союза Советских Социалистических Республик латвийский народ сможет залечить раны, нанесённые ему долгими годами порабощения. Только с помощью своего великого друга — Советского Союза и как равноправный член братской семьи советских республик латвийский народ сможет поднять своё хозяйство, развивать свою национальную культуру, обеспечить

национальное равноправие, обеспечить мир, хлеб и подлинную свободу трудящимся Латвии»³⁸. Началось созданию социалистической экономики в Латвии было положено декларацией Народного сейма об объявлении земли всенародным достоянием и о национализации банков и крупной промышленности.

5 августа 1940 г. Верховный Совет СССР, заслушав заявление полномочной комиссии сейма Латвии, постановил удовлетворить просьбу Сейма Латвии и принять Латвийскую Советскую Социалистическую Республику в Союз Советских Социалистических Республик в качестве равноправной союзной Советской Социалистической Республики³⁹.

24–26 августа 1940 г. состоялась вторая сессия Народного сейма Латвийской ССР. Парламент был переименован в Верховный Совет Латвийской ССР. Председателем Президиума Верховного Совета был избран проф. А. Кирхенштейн. Главой нового правительства — Совета Народных Комиссаров Латвийской ССР — был назначен В. Лацис.

Безусловно, ввод советских войск в Латвию серьёзно ослабил моральный дух правящего режима, радикализировал настроения всех оппозиционно настроенных к нему сил. Однако было бы абсолютно неоправданно отрицать, что события лета 1940 г. в Латвии были результатом выступлений самого латышского народа, большая часть которого активно или пассивно поддержала линию КПЛ на коренные преобразования внутренней жизни и вхождение Латвии в СССР.

Значение Восточного фронта

22 июня 1941 г. в соответствии с планом «Барбаросса» Германия напала на СССР. Целью войны являлись не борьба с коммунизмом за восстановление «старой России», а раздел территории СССР, присоединение одних областей (Прибалтика, Крым, Кольский полуостров, Баку) к Германии и превращение других в её колониальные владения. Началась война, которую Гитлер называл борьбой на уничтожение: большевизма, советских вооружённых сил, СССР как государства. Жестокость на востоке провозглашалась благом будущего⁴⁰.

Италия, Румыния, Венгрия, Финляндия вступили в войну против Советского Союза на стороне Германии.

Одним из важных факторов, воспрепятствовавших реализации германского плана молниеносной войны против СССР, явилось формирование советским правительством Восточного фронта против гитлеровской агрессии от Балтийского до Чёрного моря. Создание Восточного фронта было завершено присоединением к СССР 27 июня 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины, что не было результатом договорённостей с Германией, а явилось самостоятельным волевым решением Советского правительства⁴¹.

Умиротворители Гитлера, проводя политику международной изоляции Москвы и подталкивая

Гитлера к нападению на СССР, подняли пропагандистскую шумиху по поводу ущемления национальных прав Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Румынии. Они намеренно игнорировали тот факт, что накануне решительного столкновения с Гитлером Советское правительство отдавало себе ясный отчёт в том, что эти государства в лице своих лидеров были готовы согласиться с нацистским господством и порядком. В чрезвычайно опасной предвоенной обстановке абсолютным, первоочередным и крайне важным приоритетом было предотвратить превращение бывших российских провинций в плацдарм для нападения на СССР, оставленного один на один с германским агрессором, и не допустить реализации захватнических, колониальных и расистских целей гитлеровского рейха. Поэтому все усилия Советского Союза были направлены на то, чтобы создать преграду продвижению немецких войск во всех районах, где только это было возможно, обеспечить надёжную оборону, а потом перейти в контрнаступление, разбить гитлеровские войска и освободить Европу от нацистской угрозы.

Реализовать эти цели можно было только путём организации Восточного фронта и размещении своих войск как можно дальше от Москвы, Ленинграда и Киева.

Западные политологи и историки, а за ними и представители сегодняшних прибалтийских, польских, украинских, молдавских националистических элит вкуче с некоторыми ангажированными российскими исследователями и журналистами намеренно не считают с фактами, чтобы доказать неоправданность передвижения фронта от старой советской границы и обвинить СССР в «ущемлении национальных прав» граничащих с ним государств. Выходит, что расчленять Россию в ходе реализации немецкой оккупационной политики и иностранной интервенции можно, а восстанавливать стратегически важную историческую целостность страны для организации отпора агрессору, подчинившего всю континентальную Европу, нельзя. В этой связи заслуживает внимания доклад «Некоторые исторические тенденции русской внешней политики», подготовленный 17 апреля 1945 г. Исследовательским отделом английского МИДа. В этом докладе сделан, в частности, вывод, что границы СССР, сформировавшиеся к 1940 г., «представляют собой на всём своём протяжении на западе не результат притязаний, а исторически обусловленную стратегическую и географическую черту»⁴².

Советское информационное бюро (Совинформбюро) сразу же после окончания войны дало развёрнутый ответ на то, что было бы, если бы фронт против гитлеровской агрессии проходил не по линии Выборг — Каунас — Белосток — Брест — Львов, а по старой советской границе Ленинград — Нарва — Минск — Киев. Это дало бы возможность войскам Гитлера выиграть пространство на сотни километров,

приблизив немецкий фронт к Ленинграду, Москве, Минску, Киеву на 200–300 километров. Это позволило бы немцам гораздо быстрее продвигаться в глубь СССР, ускорило бы падение Киева и Украины, привело бы к захвату Москвы и Ленинграда и заставило бы СССР перейти к длительной обороне в глубине своей территории. В результате немцы получили бы возможность высвободить на востоке дивизий пятьдесят для высадки на английские острова и для усиления немецко-итальянского фронта в районе Египта. Вполне вероятно, что английскому правительству пришлось бы эвакуироваться в Канаду, а Египет и Суэцкий канал попали бы под власть Гитлера.

Но это не всё. СССР был бы вынужден перебросить большую часть своих войск с маньчжурской границы на восточный фронт для укрепления своей обороны, а это дало бы возможность японцам высвободить до 30 дивизий в Маньчжурии и направить их против Китая, против Филиппин, против Юго-Восточной Азии вообще, в конечном счёте — против американских вооружённых сил на Дальнем Востоке.

Всё это привело бы к тому, что война могла затянуться по крайней мере ещё года на два. Это обернулось бы дополнительными миллионами человеческих жертв и ещё большими материально-техническими разрушениями.

К сказанному можно добавить, что японские дивизии могли вторгнуться не только в Китай, но и на территорию СССР, как это было в годы Гражданской войны. Тогда под угрозой было бы поставлено военнотехническое сотрудничество СССР и США со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кроме того, если бы война затянулась, то Гитлер мог бы не только получить атомное оружие нужной мощности, но и применить его⁴³. В общем, если бы погиб так ненавидимый на Западе большевистский Советский Союз, то вместе с ним, судя по всему, закатилась бы цивилизованная, высокомерная и лукавая Европа.

Следует сказать, что и через многие десятки лет после начала Великой Отечественной войны российские аналитики подтверждают судьбоносную важность создания Восточного фронта, отодвинувшего советские государственные границы как можно дальше на запад от крупных военно-промышленных и политических центров СССР⁴⁴. Главный редактор журнала «Международная жизнь» Б. Пядышев, подытоживая содержание статьи «Прибалтика и геополитика», подготовленной для журнала генералом внешней разведки Л. Ф. Соцковым, приходит к следующему выводу: «Для меня совершенно ясно, что несколько дней, которые немцы потратили на то, чтобы пройти литовские и прибалтийские земли, дорого стоили. Наши успели прийти в себя, улеглась паника. Когда немцы прошли Литву, в Белоруссии начались уже настоящие бои. На Москву немцы накатились к холодам, к зиме. Русские прочно встали на ноги. И Ленинград был спасён тем, что немецкая атака по-

шла не в прямую, а через прибалтийские территории, которые германскому командованию ещё предстояло захватить, тратя силы и, главное, время»⁴⁵.

По разные стороны фронтов

В планах германского командования Прибалтика играла роль одного из важнейших плацдармов нападения гитлеровских войск на СССР.

Политические вопросы, касавшиеся дальнейшей судьбы Прибалтики, разработал один из теоретиков нацизма прибалтийский немец Альфред Розенберг, назначенный Гитлером уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями. В документах, подготовленных Розенбергом, Прибалтика объявлялась «жизненным пространством Великой Германии». Предусматривалось создание в Эстонии, Латвии и Литве германского протектората с последующим превращением этих регионов в составную часть Великой Германской империи. Балтийское море должно было стать внутренним германским морем. Что касается населения Прибалтики, то предполагалась «серьёзная германизация и освежение крови» «подходящих в расовом отношении элементов» и выселение или уничтожение «нежелательных элементов». Планировалась широкая колонизация Прибалтики немецкими солдатами — участниками войны против России в Первую мировую войну, а также ветеранами так называемого балтийского похода 1919 г., т.е. бывшими солдатами и офицерами армии фон дер Гольца⁴⁶.

С первых дней войны территория Латвии стала ареной ожесточённых боёв. На латышской земле немцам пришлось столкнуться с упорным сопротивлением. Героической страницей первых дней войны явилась оборона города-порта Лиепаи, длившаяся в полном окружении с 23 по 29 июня. Здесь небольшой гарнизон красноармейцев, поддержанный рабочими городских предприятий во главе с Артурсом Петерсонсом и латышскими комсомольцами во главе с Микелисом Букой и Янисом Зарсом, сковал на неделю одну из лучших дивизий врага и нанёс ей существенные потери, что сказалось на темпах наступления немцев в Курляндии. Оборона Лиепаи стала латвийской Брестской крепостью и дала пример мужества и стойкости в трудные, трагические дни начала войны.

1 июля после двухдневных боёв враг овладел Ригой. К 8 июля Латвия была полностью оккупирована нацистами. Под названием «генеральный округ Латвия» территория Латвийской ССР была включена в состав так называемого Восточного края (Остланда) с центром в Риге. 27 августа 1941 г. командующий немецкими войсками в Остланде издал распоряжение о передаче с 1 сентября представителями военного командования всей власти в Латвии в руки немецкой гражданской администрации. Рейхскомиссаром Остланда был назначен гауляйтер Лозе, а генеральным комиссаром Латвии — немецкий чиновник Дрекслер.

На территории Латвии гитлеровцы установили оккупационный режим. 18 августа 1941 г. все предприятия и земли Латвии как военные трофеи были объявлены собственностью Германии.

Великая Отечественная война углубила водораздел среди латышей, принявших июньские события 1940 г., и теми, кто сохранял надежды на реставрацию свергнутого режима Улманиса (впрочем, оставались и слои населения, на первых порах индифферентно относившиеся к любой новой власти).

Первые были готовы вместе с Красной Армией отстоять свой выбор, сделанный в июне-июле 1940 г.

Рижские рабочие создали истребительные батальоны. Вначале они сражались на улицах Риги, затем отошли в Эстонию, где из них были сформированы два добровольческих латышских полка в составе Красной Армии. В июле-октябре 1941 г. они сражались на территории Эстонии и участвовали в обороне Ленинграда.

Из Латвии, главным образом, из её восточных районов успело эвакуироваться только 45 тыс. человек. Вместе с 150 тыс. латышей, проживавших в то время в СССР, они трудились на оборонных предприятиях, а также принимали участие в военных действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Активными участниками борьбы с гитлеровскими захватчиками на фронте и в тылу врага стали примерно 125 тыс. латышей и граждан Латвийской ССР.

По предложению Я. Калнберзина и В. Лациса и памятуя о красных латышских стрелках, Сталин согласился создать латвийские национальные части, которые в качестве 201-й Латышской стрелковой дивизии были включены в состав Северо-Западного фронта. Первый состав дивизии почти на 70% состоял из добровольцев.

Латышские части участвовали в обороне Москвы. Они стойко и мужественно сражались в кровопролитных боях против немецких войск под Наро-Фоминском, у Старой Руссы, на Демьянском плацдарме (г. Демьянск). В ознаменование этих событий железнодорожная станция Московской железной дороги под Наро-Фоминском получила название «Латышская». За бои под Москвой и у Старой Руссы 201-й Латышской дивизии (командир Я. Вейкин, комиссары Э. Бирзитис, П. Зутис) было присвоено наименование «43-я Гвардейская латышская стрелковая дивизия». Летом 1943 г. в составе Советской Армии была создана ещё одна латышская национальная часть — 1-й Латышский бомбардировочный авиационный полк, активно включившийся в боевые действия. А в 1944 г., на базе размещавшегося в Гороховецких лагерях запасного полка была создана вторая — 308-я Латышская стрелковая дивизия. Она образовала вместе с 43-й гвардейской (бывшей 201-й) Латышской стрелковой дивизией 130-й Латышский стрелковый корпус (командир Д. Бранткалн). Латышские воинские части участвовали в боях в районе Великих Лук и в освобождении Латвии. За участие в операциях

по освобождению Даугавпилса и Риги Латышский стрелковый корпус награждён орденом Суворова II степени.

Латыши, сражавшиеся в дни Великой Отечественной войны в рядах Советской Армии, служили не только в её латышских национальных формированиях. Они принимали участие в боях на многих участках протянувшегося на несколько тысяч километров фронта. Ряд латышей был, в частности, среди высших командиров Советской Армии, стоявших во главе армий, корпусов, дивизий и бригад. Некоторые из них были удостоены звания Героя Советского Союза.

Так, генерал-майор Э. Я. Магон (Магоне) командовал 45-м стрелковым корпусом 13-й армии. Пал смертью героя в одном из боёв в Могилёвской области.

Генерал-полковник М. А. Рейтер командовал 20-й армией. За успешно проведённую Погорело-Городищенскую операцию (под Ржевом) награждён орденом Ленина. Затем он был командующим Брянским фронтом, а в последующем командовал войсками Степного и затем Южно-Уральского военного округа.

В начале войны уполномоченным ставки Главного командования по воинским формированиям на Украине был генерал-майор Я. П. Дзенит. Он организовывал оборону Днепропетровска в августе 1941 г. Под его командованием в июле 1944 г. была уничтожена значительная группировка гитлеровцев, окруженная в районе Минска.

Генерал-майор А. И. Штротберг в качестве начальника штаба 6-й гвардейской танковой армии участвовал в Яссо-Кишинёвской и Будапештской операциях и в освобождении Праги. В августе 1945 г. участвовал в разгроме японской Квантунской армии.

С операциями танковых войск Советской Армии связаны также имена генералов танковых войск К. Улманиса, А. Нэмме, полковников П. Армана-Тилтыня и К. Андерсона.

Среди воинов-латышей, удостоенных звания Героя Советского Союза, были: лётчик капитан Александр Груздинь (посмертно), политрук роты тяжёлых танков 2-й танковой бригады Южного фронта Владимир Витынь (посмертно), старый латышский стрелок, командир 120-й гвардейской стрелковой дивизии, генерал-майор Ян Фогель (посмертно), командир 6-й понтонно-мостовой бригады Резерва Главного командования гвардии полковник Ян Берзинь, проявившие героизм при форсировании Днепра осенью 1943 г. Иван Круминь и Альберт Кронит, командир батальона 233-й стрелковой дивизии капитан Александр Блау, командир 98-й тяжёлой гаубичной артиллерийской бригады полковник Павел Пуринь, отличившийся при форсировании Одера в Силезии⁴⁷.

Помнит ли сегодня Латвия о своих героях? Или же они для неё пособники «оккупантов»? А ведь приведённые фамилии представляют лишь отдельные случаи массового героизма, который проявил латышский народ, боровшийся на стороне Советской Армии против гитлеризма и за Советскую Латвию.

В тылу врага, на территории Латвии, оккупированной немцами, постепенно стали разворачивать свою деятельность латышские партизаны (в основном, в 1943–1944 гг.). Им оказывали помощь партизаны с «большой земли» и соседних районов РСФСР и БССР. В Ленинградской области летом 1942 г. был создан и начал действовать латышский партизанский полк «За Советскую Латвию», весной 1943 г. — латвийская партизанская бригада. В феврале 1943 г. создан штаб партизанского движения Латвии. Весной и летом 1943 г. на территории Латвии были организованы подпольные партийные и комсомольские комитеты. Они возглавили освободительную борьбу. Партизаны нападали на небольшие гитлеровские гарнизоны, уничтожали предателей, препятствовали угону людей в Германию. Летом 1943 г. партизаны Латвии участвовали в «Рельсовой войне» и других военных операциях, содействуя советским войскам в борьбе с гитлеровцами. В первой половине 1944 г. в Латвии действовали 3 партизанские бригады: 1-я Латвийская под командой В. Самсона в северной и северо-восточной Латвии; 2-я Латвийская под командой П. Ратиня в Мадонских и Лубанских лесах; 3-я Латвийская под командой О. Ошкарна в лесах Земгале. В Курземе (Курляндия) действовали партизанские отряды А. Мацпана «Саркана Булта» («Красная стрела») и др., а также десятки разведгрупп. В целом на территории Латвии сражалось около 20 тыс. партизан, включая невооружённые резервы. Они пустили под откос 350 воинских эшелонов, вывели из строя 87 танков и бронемашин, убили и ранили 45 тысяч гитлеровцев. За героизм и отвагу командирам Отомару Ошкарну, Вилису Самсону и одному из организаторов рижского подполья Иммануилу Судмалису (посмертно) присвоено звание Героя Советского Союза.

Большинство латышского народа в момент немецкого вторжения в Латвию было настроено к немцам враждебно-настороженно. Однако были группы и организации, которые ожидали немцев. Из сторонников «вождя» К. Улманиса они превратились в верных пособников оккупантов, совершивших неисчислимы злодеяния на территории Латвии. Среди жителей Латвии, встречавших гитлеровцев летом 1941 года с цветами, были и люди, наивно верившие в восстановление досоветских порядков. Немало было и тех латышей, кто оказался готовым при подстрекательстве немецких нацистов выплеснуть свою ненависть к советской власти (или, как указывают иные историки, к сталинскому режиму) на своих соседей — русских и евреев.

Важно отметить, что социальные преобразования в Латвии в 1940–1941 гг. протекали в обстановке острой классовой борьбы. Часть населения — представители частного предпринимательства, управленческого, военного, полицейского аппарата свергнутого режима Улманиса, застигнутые врасплох событиями июня 1940 г., стали постепенно организовываться и оказывать сопротивление советской

власти. В арсенал использовавшихся ими средств борьбы входили: распространение провокационных слухов, акты саботажа, вредительства, поджоги лесных массивов, поощрение националистических и антисемитских настроений среди населения, агитация против советской власти, угрозы советским активистам, террористические акты и т.д. Осенью 1940 г. при непосредственном участии органов разведки и пропаганды третьего рейха стали возникать отдельные националистические подпольные группировки и организации, такие как «Тевияс саргс» («Стражи отечества»), «Латвияс саргс» («Стражи Латвии»), «Военная организация освобождения Латвии», «Латвийское народное объединение», «Латышский национальный легион». Они объединяли бывших айзсаргов, полицейских, офицеров, чиновников, националистически настроенных студентов и крестьян, бывших членов фашистских организаций. Нацистская агентура готовила в Прибалтике гражданскую войну. Она должна была начаться одновременно с вторжением германских войск в Советский Союз.

В обстановке непрекращавшихся вылазок сторонников свергнутого режима и с учётом реальной угрозы войны 16 мая 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». Аресту и направлению в лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующим поселением в отдалённых местностях СССР подлежали: активные члены контрреволюционных организаций, участники антисоветских националистических белогвардейских организаций, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, рядовые полицейские и тюремщики в случае наличия компрометирующих их материалов, бывшие крупные помещики, фабриканты и крупные чиновники, бывшие офицеры национальных и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы, уголовный элемент, продолжавший заниматься преступной деятельностью. Члены семей лиц указанных категорий направлялись в ссылку в отдалённые районы Советского Союза (Казахстан, Красноярский край, Новосибирская область). Направлявшиеся в лагеря арестованные, а также ссыльные составляли контингент депортированных. Согласно указанию НКВД СССР от 21 апреля 1941 г., ссыльным разрешалось брать с собой к месту выселения личные вещи не свыше 100 кг на каждого члена семьи, бытовые ценности (ювелирные украшения, часы, портсигары и т.д.), деньги без ограничения суммы⁴⁸.

Всего, по данным НКГБ СССР от 17 июня 1941 г., за 3 дня с 14 по 17 июня 1941 г. в Латвии было арестовано 5625 человек и подвергнуто административной высылке 9546 человек, всего репрессировано 15 171 человек⁴⁹.

Первоначально депортацию планировалось провести лишь с территории Литвы. Эстония и Латвия

были включены в проект постановления в самый последний момент, под давлением текущих обстоятельств. Как констатировал посол Великобритании в СССР Криппс, советское руководство не хотело, чтобы их пограничные районы были заселены «пятой колонной», связанной с нацистскими спецслужбами, и людьми, подозрительными в смысле враждебности к советскому режиму⁵⁰. Преступления, совершённые латышскими подручными Гитлера в оккупационный период, позволяют утверждать, что предпринятые меры сами по себе были оправданными. В то же время не следует забывать и о том, что часть людей пострадала необоснованно, а многим будущим пособникам нацистов удалось ускользнуть от предвзвешенной чистки. Это, например, «префект полиции» Риги Р. Штиглиц и самые кровавые организаторы Холокоста на территории Латвии — полковник В. Вейс и майор В. Арайс.

Следует сказать и о том, что в годы войны к депортациям прибегали и другие страны. Например, в США выселению в глубь страны были подвергнуты американцы японского происхождения. Важно также напомнить, что латышские власти в период первой независимости жёстко и твёрдо расправлялись с социально и идеологически чуждыми элементами из числа своих соотечественников, т. е. коммунистами, комсомольцами, членами левых профсоюзов и прочими «инакомыслящими». Их убивали, высылали в захолустные районы Латвии, а также из страны, бросали в тюрьмы и концлагеря, лишали политических прав, увольняли с работы.

В годы Великой Отечественной войны немецкие оккупационные власти и их латышские пособники использовали акцию высылки, проведённую накануне войны, в пропагандистских целях. Они хотели настроить население против Советского Союза и воспрепятствовать развёртыванию партизанского и антифашистского подпольного движения. Следует отметить, что принятые в июне 1941 г. меры не сопровождались необходимой разъяснительной работой среди населения, и это имело отрицательные последствия. Оккупированная Латвия стала ареной информационно-психологической войны, развёрнутой немецкой пропагандистской машиной против СССР и сторонников советской власти. Гитлеровцы не жалели красок для изображения «зверств» «жидобольшевиков» в Прибалтике в течение года существования ЛССР. Они распространяли слухи о якобы «повальных арестах», устраивали экскурсии в подвалы ЧК, рассказывая, что там-де творилось, показывали боксы, где якобы велись расстрелы, в разы завышали число депортированных. Эти пропагандистские приёмы были взяты на вооружение латышскими коллаборационистами.

Поведение латышских этнополитических элит и их сторонников в годы Великой Отечественной войны явилось кульминацией политического падения. Эти силы, подпиравшие и обслуживавшие ре-

жим Улманиса и вместе с ним оказавшиеся в разряде свергнутого и проигравшего, с приходом немцев спешили взять реванш. Они в такой степени дали увлечь себя чувству ненависти, что проигнорировали судьбу, которую уготовили для жителей Латвии немецкие захватчики. Этнополитические круги Латвии и тесно связанный с ними кадровый корпус сломанной государственной машины Улманиса предоставили в распоряжение завоевателей послушных чиновников для аппарата оккупационных властей, жестоких и исполнительных служаков для гитлеровских полицейских органов разных наименований, а также «интеллектуальный ресурс нации», включившийся в пропагандистские акции Гитлера и Геббельса под знаменем шовинизма, антисемитизма и антикоммунизма. Приобретённый в годы улманисовского правления пропагандистский опыт, обогащённый и развитый под началом фашистских идеологов, будет использован «борцами за независимость Латвии» в годы холодной войны и в перестроечный период в СССР. Влияние этого опыта различимо и в настоящее время в политической практике сегодняшней Латвии. Здесь уместно вспомнить о пропагандистском фильме латышского режиссёра Э. Шноре «The Soviet Story», переполненном историческими фальсификациями, в том числе нацистского производства. За этот фильм «кинодокументалист» был удостоен высшей государственной награды Латвии — «Ордена Трёх Звёзд».

Уже в самом начале оккупации добровольные слуги фашистского рейха совершили невиданные злодеяния против своих же соотечественников и тем самым «наглухо приковали себя к военной колеснице гитлеровской Германии и тащились за ней вплоть до её окончательного краха»⁵¹.

Как и в 1918–1919 гг., под прикрытием армии оккупантов националистические круги прибегли к неограниченному террору против инакомыслящих, физически уничтожая не только самую активную в политическом отношении часть своих противников (коммунистов, советских служащих, военнопленных бойцов Красной Армии, участников подпольного движения сопротивления, партизан), но и мирное население, сочувствовавшее Красной Армии, а также просто советских граждан (женщин, стариков, детей), угонявшихся немцами с оккупированных территорий в рабство. Уничтожающую характеристику верхушке латышских коллаборационистов дал группенфюрер СС Фридрих Йеккельн на судебном процессе в Риге в 1946 г. Он, в частности, сказал: «Все они были большими друзьями немцев. Эти люди руководствовались только немецкими интересами и нисколько не задумывались о судьбе своих народов. Из разговоров с ними я понял, что они хотят уничтожить большевиков не меньше, а может быть больше, чем мы, немцы. Эти люди считали, что даже если Германия и проиграет войну, то всё равно будет очень хорошо, ибо мы ликвидируем всех советских патриотов, всех

коммунистов. А без патриотов и коммунистов им гораздо легче будет запродать свои народы другим сильным державам»⁵².

В таких условиях в ходе Отечественной войны против гитлеровских захватчиков разворачивалась гражданская война между свергнутыми силами, решившимися вернуть утраченные позиции с помощью немецких штыков, и населением, принявшим советскую власть и ожидавшим прихода Советской Армии. Отечественная война стала гражданской для латышских национальных частей в составе Советской Армии, латышских медсестёр на фронтах Великой Отечественной, для латышей, работавших на неоккупированной территории СССР на оборону и победу, для партизан и подпольщиков, для крестьян, с риском для жизни прятавших военнопленных и снабжавших партизан продовольствием.

Гражданская война началась уже в самые первые дни оккупации Латвии, когда новоявленные латышские подручные Гитлера заявили о себе массовыми чистками и погромами среди мирных и безоружных соотечественников. Согласно терминологии немецких оккупантов, эти банды преступников назывались «антикоммунистическими и антиеврейскими кругами», а также местными «кругами самообороны». Немцы старались использовать в свою пользу их иллюзии о независимой национальной Латвии. До полного оформления оккупационной власти немцы не чинили им никаких препятствий. Где это требовалось, они интенсифицировали погромы и направляли их в нужное русло, заставляя вместо себя выполнять «очищение Латвии от большевиков и жидов». Это «очищение» производили и сами немцы; однако чаще всего привлекались латыши в сопровождении какого-нибудь немца. Гитлеровцам было важно не оставить никаких своих следов, чтобы эти местные «круги самообороны» не могли позже сослаться на какое-либо распоряжение или данное им политические обещание⁵³.

Так, уже в конце июня 1941 г. в районе Добеле — Ауце — Салдус организовалась большая группа айзсаргов, которая чинила расправу над местными активистами⁵⁴. В Туйской, Лиепупской и Дунтеской волостях действовала банда под предводительством лиепупского пастора Э. Берзиньша⁵⁵. В районе Гулбене активизировалась довольно значительная группа бывших военнослужащих армии Улманиса, возглавлявшаяся подполковником К. Аператсом⁵⁶.

После того как в Ригу 1 июля 1941 г. вступили передовые части немецко-фашистской армии, на радио явился бывший военный атташе Латвии в Эстонии В. Вейс и приказал диктору зачитать воззвание к «истинным латышам» с призывом приступить к уничтожению «внутреннего врага», т. е. бывших советских служащих, коммунистов и членов их семей, антифашистов, а также всех евреев независимо от их политических убеждений. Сам Вейс организовал «батальон смерти», участвовавший в расстрелах со-

ветских граждан. Впоследствии этот батальон немцы использовали не только в Латвии, но и в Литве, Белоруссии, Польше.

Банды «истинных латышей» врываются в квартиры мирных жителей, грабят их имущество, а самих жертв избивали и арестовывали. Особой активностью отличалась «боевая группа» бывшего полицейского В. Арайса, называвшая себя «парни Арайса». Эти «парни» носили на рукаве зелёную повязку с вышитым черепом и скрещёнными костями и стремились превзойти в жестокости всех других «истинных латышей» на службе Гитлера. Каждую ночь члены этой группы уводили свои жертвы на расстрел в Бикерниекский лес, где уже в ночь с 1 на 2 июля 1941 г. появилась первая массовая могила умерщвлённых мирных жителей⁵⁷. За заслуги в установлении гитлеровского «нового порядка» Арайс получил официальную немецкую полицейскую должность начальника управления полиции безопасности, звание майора и крест за заслуги. Согласно свидетельским показаниям, в 1941 г. карательная команда Арайса осуществляла все расстрелы еврейского населения на территории Латвии, а также всех других советских граждан, уничтожавшихся оккупантами. Это было прямое назначение команды Арайса, так как её участники за редкими исключениями на фронт не посылались. Позднее их стали отправлять на фронт, а также в другие республики Союза ССР для проведения карательных операций⁵⁸.

Только за первые десять дней оккупации в Риге было арестовано и зверски уничтожено свыше 9000 человек⁵⁹. В Риге расстреливали каждого, кто не нравился, на кого был подан донос или кто просто вёл себя на улице не так, как это нравилось немцам. В первую очередь расстреливали тех, кто при советской власти занимал какую-либо должность, а также евреев. Расстреливали в квартирах и на улицах. При расстреле евреев немцы собирали всякий сброд из латышских «антикоммунистических и антиеврейских кругов», спаивали его, выдавали каждому бандиту по три патрона, отводили арестованных евреев к набережной Даугавы, ставили у берега и расстреливали. Когда же не хватало патронов, оставшихся в живых закалывали штыками. Усердствующим в деле «очищения» разрешалось грабить свои жертвы⁶⁰. Символом ужасов Холокоста в этот же период стали пылающие синагоги. В них предварительно насильно загоняли евреев, которых сжигали живьём⁶¹.

Решение «еврейского вопроса» в Латвии по нацистским лекалам произошло ещё до Ванзейской конференции⁶², на которой высшее гитлеровское руководство поставило задачу тотального уничтожения европейского и советского еврейства. На оккупированной территории Латвийской ССР нацисты создали 18 гетто, которые, как правило, служили местом концентрации еврейского населения накануне казни (в Айзпите, Бауске, Балви, Вараклянах, Вентспилсе, Виляке, Даугавпилсе, Екабпилсе, Елгаве, Зилупе,

Карсаве, Краславе, Лудзе, Преи́ли, Яунелгаве). Лишь в Риге и Ли́пае гетто просуществовали длительный период. Самым активным образом в Холокосте участвовали местные коллаборационисты, в том числе бывшие офицеры латвийской армии. Именно они совместно с немецкими карателями за летние месяцы 1941 г. успели уничтожить примерно половину латвийских евреев (35–40 тыс. человек)⁶³.

Из тактических соображений гитлеровцы предпочитали скрывать от населения свои цели и планы. Военное наступление и террор оккупантов шли в ногу с идеологическим наступлением. В целях пропаганды немцы при пособничестве «истинных латышей» развернули клеветническую антисоветскую кампанию об «ужасах ЧК». Для добывания «фактов большевистских зверств» в Риге, сразу же после оккупации, была создана «Комиссия по расследованию зверств большевиков в Латвии». Руководили работой комиссии начальник пропаганды рейхскомиссариата Латвии Дреслер и начальник рижского гестапо Ланге. В состав комиссии вошли бывшие чиновники и военные периода правления Улманиса: Крепшманис, Зутис, Пукитис, Грузис. Через печать и радио комиссия широко оповестила население, что в г. Риге и его окрестностях обнаружены массовые могилы латышей, «зверски замученных ЧК». Немецкая пропаганда активно использовала «материалы» указанной комиссии для клеветнической антисоветской кампании по всей Прибалтике. Организовывались торжественные похороны «жертв большевиков», проводились антисоветские митинги, публиковались статьи в газетах и журналах, были изданы книги под названием «Год ужасов» и «Обвинительные доказательства», выпущен документальный фильм «Красный туман», который с некоторыми изменениями был также сделан для Эстонии и Литвы. Более того, пропагандистская книга «Год ужасов» переиздана в сегодняшней Латвии, а фотогографические иллюстрации к ней размещены в Интернете. Таким образом, информационная война с опорой на пропагандистские приёмы нацистов продолжается теперь в отношении современной России. И в соответствии с канонами информационной войны, сформулированными Геббельсом, ставка делается на большую ложь. Эту ложь опровергает выявленная в Центральном архиве ФСБ и опубликованная рядом изданий Служебная записка НГКБ СССР о фальсификации гестапо «большевистских зверств» в Прибалтике за подписью наркома государственной безопасности Меркулова⁶⁴. Записка, носившая секретный и исключительно внутренний характер, датирована апрелем 1945 г., что повышает её достоверность даже в глазах изначальных скептиков. В этой служебной записке приведены результаты следствия НКГБ ЛССР. В частности, было установлено, что в распоряжении «Комиссии по расследованию зверств большевиков в Латвии» находилась специальная команда Зутиса в количестве 40 человек, которая занималась специальной «обработкой» тру-

пов, всячески их уродуя, а члены комиссии на этом основании составляли и подписывали фиктивные акты о «зверствах» большевиков. Чтобы скрыть факт умышленного изуродования трупов, предназначавшихся для широкой демонстрации населению, немцы расстреляли и закопали в местечке «Болтозер» близ Риги 10 евреев, взятых ими из гетто для работы в специальной команде Зутиса. Кроме того, документально и показаниями свидетелей было установлено, что основные кадры «документального» фильма «Красный туман» были сделаны лабораторным путём, а «камера смертников в тюрьме НКВД с надписями осуждённых» была бутафорно сооружена и заснята на Рижской киностудии.

В ходе проводимых пропагандистских акций немцы выдавали себя за друзей латышского народа и его освободителей. Они целенаправленно поощряли национализм и шовинизм, разжигали вражду латышей против других народов, в первую очередь славянских. Немцы всячески пытались натравить латышей на русских, привить презрение к ним. Культивируя презрение к военнопленным, русским дали прозвище «Ваньки».

Что касается евреев, то в оккупированной Латвии, как и везде, немцы прибегали к грубой антисемитской пропаганде. Они всячески поддерживали возникший в обывательской среде миф о «жидах-чекистах» на том основании, что заместителем руководителя НКВД Латвийской ССР был еврей Семён Шустин. Кроме того, немцы активно тиражировали утверждения представителей улманисовских элит о том, что якобы именно лица еврейской национальности с наибольшим восторгом приветствовали вхождение прибалтийских государств в Советский Союз и пополняли ряды коммунистов и служащих советских учреждений⁶⁵. На евреев возлагали вину за все несчастья и все недостатки и в ходе Холокоста пытались полностью уничтожить как народ.

Важно обратить внимание на то, что латышские националисты спешили помочь своим немецким хозяевам и на идеологическом фронте. В своих речах, статьях и книгах они заявляли, что немцы якобы являются лучшими друзьями латышского народа, что долгие годы они помогали латышам создавать их культуру и что всё достигнутое в Латвии в области культуры и экономики является «исторической заслугой» немцев. Историки Гинтер, Помер и др. «доказывали», что немцы сыграли якобы огромную роль в истории латышского народа, поскольку сам он не способен к самостоятельному историческому развитию. Они стремились оправдать длившееся столетиями господство немецких баронов в Латвии и отрицали или замалчивали положительное влияние русской культуры и реформ Александра II и Александра III на культурную, экономическую и общественно-политическую эмансипацию латышей. Одновременно они пытались очернить положительные результаты хозяйственного развития СССР

и разжигали ненависть к советскому народу. Отголоски пропаганды того времени до сих пор заявляют о себе в современной Латвии: и на бытовом уровне, и в высказываниях политиков.

Однако реальности немецкой оккупации всё представляли по своим местам. Хотя почти нигде немцы откровенно не говорили и не писали о том, что относятся латышей к низшей расе и зачастую замалчивали этот вопрос, однако не только латышское население, но и латышские пособники оккупантов не могли не чувствовать, что к ним относятся как к низшей расе. Так, немцы подчёркивали, что латыши — это крестьянский, деревенский народ. Полномочия латышской полиции не распространялись на немцев. Латышей не пускали в магазины, предназначенные для немцев. Использовали их на менее «престижной» и менее ответственной работе. Латышский язык был оттеснён на второстепенные роли, а латышские названия местностей были переделаны в немецкие.

В целях установления и поддержания «нового порядка» немцы создали сравнительно широкую сеть местных полицейских органов: шуцманскую службу во главе с бывшим руководителем фашистской организации «Перконкрустс» Г. Целминьшем, полицию порядка, начальником которой стал Р. Осис, латышскую службу полиции безопасности. Все эти службы были подчинены руководителю СС и полиции безопасности в Латвии Шрёдеру. В одном из интервью он заявил, что в распоряжении полиции СС в Латвии имеется около 14 тыс. человек, добровольно поступивших на службу в полицию⁶⁶. На самом деле по доброй воле в полицию шли главным образом участники погромов первых дней оккупации, а также те, кому не досталось другого места в немецких оккупационных учреждениях. Таких людей было сравнительно немного. Основной же состав латышских полицейских формировался за счёт вербовки. Латыши ставились перед выбором: или быть отправленными на работу в Германию и Эстонию, чего они боялись как смерти, или записываться в полицию. В целях уклонения от отправки в Германию выбиралось последнее. Некоторых к службе в полиции подталкивало стремление получить кое-какие привилегии, в том числе и материального характера. Время от времени из числа полицейских формировались так называемые «добровольческие» батальоны, точнее батальоны полицейских, которых посылали на фронт или на борьбу с партизанским движением. В условиях плохого снабжения, разочарования в собственных ожиданиях от немцев, а также с учётом побед Советской Армии в 1943–1944 гг. стали отмечаться случаи дезертирства и даже перебежек к партизанам.

И всё же значительная часть бойцов латышских полицейских батальонов, составленных из бывших айзсаргов, полицейских, военнослужащих латвийской армии, были добровольными соучастниками нацистских преступлений и, несмотря на свойственную латышам ненависть к немцам, выступали их по-

собниками. Эти же батальоны боролись с партизанами активно и со злостью. Согласно свидетельствам, если бы в Латвии не было полицейских групп СС и батальонов полицейских, то с учётом дислокации в Латвии небольших немецких гарнизонов можно было бы организовать целые партизанские округа⁶⁷.

Латышские полицейские батальоны действовали не только на территории Латвии, но и за её пределами: на оккупированной территории РСФСР, Белоруссии, Украины и даже в Польше⁶⁸. Там они участвовали в карательных акциях: расстреливали мирных граждан, уничтожали целые деревни и сёла, ликвидировали гетто под прямым руководством немецких нацистов и совместно с иными пособниками. Все эти преступления совершались якобы во имя «спасения от большевизма» и «возвращения независимой Латвии».

Убеждённые в скорой победе, немцы в начале войны высокомерно пренебрегали латышскими подручными. Им доверялись лишь обязанности палачей и карателей. Однако после разгрома немецких войск под Сталинградом гитлеровцы, планируя массовую мобилизацию мужского населения Латвии для нужд фронта, решили создать видимость «самоуправления». Так называемое общелатвийское «самоуправление» не было единым и самостоятельным политическим институтом, осуществлявшим правящие функции. Оно было всего лишь придатком немецкого гражданского управления, послушным орудием в руках гитлеровских захватчиков и исполнителем их воли. Все важнейшие вопросы решались в немецких учреждениях.

Руководствуясь своими шкурными интересами, бывшие «столпы» режима Улманиса поспешили занять бутафорские посты марионеток в «самоуправлении». Генерал Данкерс, многократно награждавшийся Улманисом, стал генеральным директором по внутренним делам, позднее первым генеральным директором. Бывший министр финансов А. Валдманис, до прихода немцев скрывавшийся в видземских лесах, получил «тёплое местечко» генерального директора юстиции и финансов. Ближайший друг Улманиса М. Приманис был назначен генеральным директором просвещения и культуры. Генерал Р. Бангерскис (Бангерский), в прошлом офицер русской императорской армии, участник Русско-японской войны 1905 г., командир дивизий и корпусов в армии Колчака, военный министр в «левом» правительстве в 1927 г., сделался при оккупантах генеральным инспектором Латышского легиона СС. Он не только участвовал в проведении мобилизаций, но и утверждал смертные приговоры латышским солдатам, которые дезертировали или уклонялись от службы Гитлеру⁶⁹. Представители старого государственного аппарата и чиновничества буржуазной Латвии также сотрудничали с немцами. Они использовались в низовых инстанциях оккупационной администрации.

В ряду преступлений, которые совершило так называемое латышское самоуправление по отноше-

нию к своему народу, особое место занимает создание Латышского легиона СС. То, что международное право запрещает оккупантам мобилизовывать в свои вооружённые силы население захваченных территорий, не могло остановить ни Гитлера, ни его латышских пособников.

Легион создавался с целью подготовки мобилизации. Латыши как бы получали своё подразделение, и таким образом стимулировалась известная национальная заинтересованность. В данном случае немцы использовали хорошо им известные стремления национально настроенных латышей к самостоятельной Латвии и не препятствовали возникновению иллюзии, что такой легион может быть шагом к самостоятельности.

Латышский легион был создан в соответствии с опубликованным 27 февраля 1942 г. приказом Гитлера, в котором указывалось, что в легион вступают добровольно в возрасте с 17 до 45 лет. Чёрную работу по формированию легиона взяли на себя генерал Данкерс и генерал Бангерскис. Они опубликовали многочисленные объявления и призывы вступить в легион и немецкую армию вообще. Обращаясь к латышам, Данкерс требовал: «Вы не смеее отставать от немцев. Ваше место в легионе»⁷⁰. Поскольку вербовка никаких результатов не давала, то легион пришлось создать из существующих батальонов полицейских. В середине марта были созданы первые части (один полк). Командующим Латышским легионом был назначен немец, руководитель бригады СС Ганзен. Легионеры давали присягу. Её текст следующий: «Именем бога я торжественно обещаю в борьбе против большевизма неограниченное послушание главнокомандующему немецких вооружённых сил Адольфу Гитлеру, и за это обещание я, как храбрый воин, готов отдать свою жизнь».

Командиры полков легиона назначались из числа бывших полковников и подполковников латвийской армии. Они непосредственно подчинялись одному из командиров обеих составлявших легион 15-й и 19-й дивизий (эти посты занимали немецкие высшие офицеры СС), которые, в свою очередь, подчинялись командиру 6-го корпуса СС. Таким образом, Латышский легион СС не имел своего командира, т. е. практически не существовал как единое соединение. С точки зрения немцев, такое положение обеспечивало им лучшую возможность осуществлять контроль над латышскими частями. Следует сказать и о том, что, объявив Латышский легион добровольческим эсэсовским формированием, немцы действовали изощёрённо и с дальним прицелом. Чтобы укрепить и безальтернативно привязать мобилизованных латышей к гитлеровской военной машине, они использовали принадлежность Латышского легиона к СС в целях запугивания и шантажа легионеров: мол, с эсэсовцами у большевиков разговор короткий, так что не надейтесь, что сдача в плен позволит вам заслужить их прощение.

Благодаря созданию легиона стали возможны мобилизации, которые, в свою очередь, давали пополнение легиону. Таким образом, легион был создан не на добровольческой основе, а в результате мобилизаций. Всего было проведено четыре мобилизации, в результате которых в гитлеровскую армию были зачислены десятки тысяч латвийских граждан, начиная с мужчин рождения 1906 г. вплоть до юношей рождения 1927 и 1928 гг.

Для подготовки мобилизации немцы распускали слухи, что будет основана самостоятельная Латвия и выберут президента. Однако после мобилизации эти слухи стихали. Нацисты мобилизации провели, но никакого, даже фиктивного «национального правительства» или хотя бы подобия «самостоятельного государства» не дали.

О том, что латышский народ в своём большинстве не хотел служить гитлеровцам, свидетельствуют факты дезертирства, уклонения от призыва, ухода призывников прятаться в леса и на хутора, перехода к партизанам и в ряды участников сопротивления. В борьбе немцев с дезертирством не помогало ни создание в феврале 1944 г. особых военных судов для рассмотрения дел «о преступлениях, связанных с уклонением от воинской повинности», ни расстрел многих пойманных дезертиров⁷¹. Не в последнюю очередь массовый саботаж мобилизаций был результатом разъяснительной работы, которую проводили с призывниками латвийские партизаны и участники антифашистского подполья.

С началом деятельности оккупационных учреждений немецкие власти приступили к систематическому и планомерному уничтожению советских людей. В Латвии, помимо 18 еврейских гетто (как упоминалось выше), было создано 18 тюрем и 23 концентрационных лагеря. Все латвийские тюрьмы были переполнены. Центральная тюрьма в Риге была превращена в политическую тюрьму. В неё заключали людей, обвинявшихся в приверженности коммунистическим убеждениям. В число политических попали также латышские националисты, в особенности старые офицеры и бывшие члены организации «Перконкрустс», а также дезертиры. Последних держали до тех пор, пока они не соглашались ехать на фронт.

Режим содержания в тюрьмах был исключительно бесчеловечным. В сборнике архивных документов «Латвия под игом нацизма» (М.: «Европа», 2006) приведены свидетельства заключённых, воссоздающие жуткие картины преступлений против человечества, которые были совершены немцами и их латышскими подручными. Массовая гибель заключённых была связана не только с ежедневными расстрелами, но и с голодом, с антисанитарией, эпидемиями, истязаниями, истязаниями и другими «культурными» немецкими приёмами. Возвратиться с допроса значило быть избитым, высеченным, с выбитыми зубами, поломанными челюстями и другими тяжёлыми травмами. Во всевозможных пытках и истязаниях

особенно изощрялись над женщинами и евреями. Свою лепту в функционирование «фабрик смерти» внесли и латышские надзиратели, которые в пьяном виде приходили в камеры и беспощадно избивали заключённых резиновыми дубинками.

Особенно трагичным было положение заключённых в Лиепайской следственной тюрьме, которую в народе называли «тюрьмой смерти». Советские граждане, осуждённые на смерть «латышской политической полицией», попадали в руки начальника тюрьмы садиста Ф. Класона, который в буржуазной Латвии дважды судился за воровство, один раз — за хулиганство и один раз — за бродяжничество. За четыре года оккупации из стен этой тюрьмы отправились в свой последний путь свыше 6 тыс. жителей Лиепайи и её окрестностей⁷². Тысячи советских граждан были замучены в тюрьмах Даугавпилса, Лудзы, Екабпилса и др.

Важнейшее место в системе гитлеровского оккупационного режима занимали концентрационные лагеря. На территории Латвии было создано большое число концлагерей. Только в Риге находилось несколько концлагерей — центральный распределительный лагерь в Межапарксе, лагерь в Милграмсе, Страздумуйже, Бишумуйже. Концлагеря были также в Даугавпилсе, Лиепаве, Валмиере, Мадонне, Тукумсе (два лагеря), а также в других местах. Для всех них были типичны жестокое обращение с заключёнными и каторжный труд, голодное существование и издевательства, невероятная скученность и эпидемические заболевания, массовые расстрелы, безжалостное уничтожение людей, не способных к тяжёлому труду.

Самым крупным и особенно жестоким по режиму был лагерь Саласпилс, в котором было уничтожено 53 700 мирных граждан⁷³. Сюда под видом «эвакуированных» и «беженцев» доставлялись советские граждане, угнанные из оккупированных областей СССР. Кроме того, сюда же привозили евреев из стран Европы. Всех заключённых ждали муки, издевательства и смерть. Старики, инвалиды, все, кто не мог работать, а также евреи были обречены. Их вывозили ночью на автомашинах и расстреливали. В окрестностях Саласпилса располагался и лагерь для советских военнопленных, где свою мучительную смерть под открытым небом нашли десятки тысяч человек.

В Саласпилском лагере разыгрывались ужасные сцены насильственного разлучения матерей и их детей, в том числе младенческого возраста. Дети в Саласпилсе содержались отдельно и строго изолированно и массами гибли мученической смертью не только от голода, эпидемий, но и от проводившихся на них «медицинских» экспериментов, в частности, «лечения» больных детей мышьяком. Кроме того, при питании, состоявшем в сутки из 100 грамм хлеба и ½ литра жидкости наподобие супа, дети использовались как доноры для немецких госпиталей. Для многих детей дозы забираемой крови оказались несовместимыми с жизнью. Таким способом в тюрьмах и концлагерях Латвии было загублено до 40 тыс. детей.

Взрослое население лагеря немцы заставляли заниматься непосильным каторжным трудом по 16 часов в сутки. Запрягшись по 20 человек в тяжёлый каток, заключённые укатывали дороги. У них также брали кровь до тех пор, пока человек не падал в обморок.

Помощником коменданта лагеря был латыш Видуш, зверски истязавший заключённых лагеря. В качестве врача практиковал латыш Какис, пользовавшийся почётом у немцев⁷⁴.

Как отмечалось в советской историографии, через тюрьмы, концлагеря и гетто Латвии прошло не менее 536 тыс. мирных граждан Советской Латвии, других республик СССР, а также ряда европейских стран. Из этого числа 314 тыс. было уничтожено, среди них 40 тыс. детей. Среди жертв гитлеровцев было более 100 тыс. мирных граждан Латвийской ССР. Полностью было уничтожено латгальское село Аудрини, жители его расстреляны. Было истреблено также почти всё цыганское население Латвии. Кроме того, на территории Латвии немецкие оккупанты и их пособники уничтожили 330 тыс. советских военнопленных. Около 280 тыс. граждан было угнано в Германию на принудительные работы⁷⁵. Некоторые историки пытаются оспорить эти данные, отмечая их недостаточную точность, а также оценочный метод подсчёта жертв в послевоенный период. При этом сам характер и полные масштабы трагедии, развернувшейся на латвийской земле в период немецкой оккупации, в современной Латвии чаще замалчивают, чем прямо отрицают.

На территории Латвии уничтожению подверглось не только местное еврейское население, но и многие евреи, привезённые из разных стран Европы (Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Голландии, Франции и других стран)⁷⁶. Большие группы иностранных евреев были расстрелены в Бикерниекском лесу и замучены в Саласпилском «трудовом» лагере. Согласно свидетельствам, в расстреле евреев, производимым под немецким руководством, принимали участие главным образом латыши — «мальчишки со школьной скамьи и разный сброд из полицейских». Эти убийства вызвали недовольство даже у сторонников немцев из числа местных жителей, считавших, что латышам не следовало бы по желанию немцев быть палачами населения чужих стран⁷⁷.

На территории Латвии найдено до 700 мест массового захоронения убитых. Общая их площадь превышает 40 гектаров. Массовые могилы найдены в Румбулях, Дрейлинях, Саласпилсе, Бикерниекском лесу, в Зиепниеккалне под Даугавпилсом, а также в районе Шкеде возле Лиепайи, где вдоль крутого морского берега на протяжении двух километров тянется массовая могила в восемь метров шириной.

В январе 1946 г. на процессе военных преступников в Риге группенфюрер СС Ф. Йеккельн показал: «Истребление советских граждан проводилось

по прямым указаниям и директивам германского правительства и его органов. Это делалось с целью быстрого покорения захваченной нами советской территории, исходя из нацистской программы захвата жизненного пространства»⁷⁸.

В этом контексте особо следует сказать о позиции деятелей бывших буржуазных партий Латвии. С первых дней оккупации они служили в гитлеровских учреждениях и даже не помышляли о сопротивлении. Один из эмигрантских авторов О. Фрейвалд отмечает, что «в первые годы немецкой оккупации оставшиеся ещё деятели партий не проявляли никакой организованной активности»⁷⁹.

С приближением окончательного разгрома гитлеровской Германии они всё же решили как-то отмежеваться от нацистов, чтобы иметь возможность, как и в 1919 г., перейти от немцев к новым покровителям: англичанам и американцам. С этой целью в 1943 г. было создано несколько небольших групп националистического толка, которые выпустили небольшое количество подпольных листовок с призывами «национально мыслящим латышам» воздерживаться пока от оказания нацистам поддержки в войне и копить силы «для решающего момента», т. е. для борьбы — но не против гитлеровцев, а против Советского Союза. Одной из таких групп был так называемый «Латвийский центральный совет» (ЛЦС). В его состав входили некоторые лидеры латышских правых социал-демократов во главе с Паулсом Калныньшем, а также некоторые бывшие деятели буржуазных партий, группировавшиеся вокруг профессора Константина Чаксте — сына первого президента Латвии.

Начиная с августа 1943 г. ЛЦС собирался несколько раз для обсуждения обстановки и принятия политических документов. Выработанная программа действий сводилась к тому, что «следует отклонять всякое сотрудничество с немецкими оккупационными властями и точно также следует отклонять оказание поддержки советским партизанам»⁸⁰. По существу дела такая позиция отвечала интересам гитлеровцев в их борьбе с партизанским движением. А сами «оппозиционеры» не были опасны. Ведь «фактически персональная и политическая база ЛЦС была всё же весьма ничтожной» и он оказался не в состоянии развить какую-либо деятельность⁸¹. Ареста нескольких членов ЛЦС как потенциальной англо-американской агентуры было достаточно, чтобы эта группа перестала существовать.

Аналогичным был конец и некоторых других подобных групп. За их деятельностью внимательно следила служба безопасности оккупационных властей, и, как только немцам становилось ясно, что необходимой отдачи от соответствующей группы нет или что кто-то из числа «оппозиционеров» действительно подумывает об организации сопротивления оккупантам, такая группа без промедления ликвидировалась. Но и сами «оппозиционеры» бдительно следили за чистотой своих рядов и доносили полиции

безопасности на отдельного своего соратника как на «большевика», если он хотел начать активную борьбу против захватчиков. Сказанное в полной мере относится и к ЛЦС, о деятельности и руководителях которого немецкая служба безопасности была осведомлена достаточно хорошо. Например, Константин Чаксте был отправлен в лагерь смерти в Штуттоффе, где и умер, а другой руководитель группы Паулс Калныньш после ареста в 1944 г. удостоился привилегированного и мягкого обращения и потому смог выжить и эмигрировать в Швецию, откуда позднее переехал в Германию. Умер в Австрии.

Среди «оппозиционеров» оказался и Союз латышских националистов (ЛНС), возникший в подполье ещё до начала войны. Его руководителями были главным образом члены профашистской организации «Перконкрустс», принявшие с первых дней войны активное участие в расправе над соотечественниками. Большинство персонального состава ЛНС составляли латыши, служившие в разного рода полицейских подразделениях оккупационного режима. В первой половине 1942 г. ЛНС выпускал подпольный листок «Таутас балсс» (Голос народа), авторы которого убеждали читателей избегать «подпольной романтики» и «коммунистической, а также англофильской деятельности». Целью этой группы было помешать образованию в оккупированной Латвии руководимого коммунистами антифашистского подполья и объединить латышей в борьбе против общего врага (т. е. против коммунизма). За свою деятельность они стремились добиться от оккупационных властей права создания в Латвии национального правительства. Эти цели так и не были реализованы. Именно осенью 1942 г. в Риге, где действовал ЛНС, развернулось столь широкое подпольное антифашистское движение, что полный провал замысла ЛНС объединить латышей в борьбе против коммунизма стал очевидным. К этому одновременно добавилось и то, что среди активистов ЛНС стал выдвигаться некий унтер-офицер — якобы агент английской разведки. В этой ситуации гестапо сочло за благо арестовать 17 ноября 1942 г. ряд активистов ЛНС. После этой деятельность группы прекратилась сама собой. «Патриоты» из ЛНС были помещены в Саласпилский концлагерь, где были назначены комендантом на разные привилегированные посты в лагерном «самоуправлении». Свои привилегии они отрабатывали стукачеством на заключённых лагеря и участием в издевательствах над ними.

В целом к лету 1944 г. буржуазно-националистическая «выжидающая оппозиция», так и не захотевшая перерасти в антифашистское движение сопротивления, прекратила своё существование и полностью исчезла со сцены. Деятели групп «оппозиции», покинув Латвию, бежали в Германию и Швецию, где в послевоенный период предстали перед мировым общественным мнением в позе несчастных «политических беженцев» и попытались лозунгом

независимости прикрыть кровавую, фашистскую сущность латышского коллаборационизма⁸².

Война стала испытанием на прочность и для латышской интеллигенции. Многие латышские писатели и деятели культуры приняли непосредственное участие в борьбе с немецкими агрессорами. На улицах Риги, в Эстонии и под Ленинградом воевали А. Балодис, Ж. Грива и другие. В конце лета 1941 г. бойцами Латышской стрелковой дивизии стали В. Лукс, Ф. Рокпелнис, И. Леманис, Я. Грант, А. Григулис, Ю. Ванаг, В. Калпинь, К. Краулинь, Э. Дамбур, И. Муйжние, А. Иммерманис, В. Берце, Ц. Динере и другие. Многие из них впоследствии стали корреспондентами дивизионной газеты «Латвиешу стрелникс» («Латышский стрелок»). Э. Сокол, Я. Грант, П. Силс и другие после создания в 1944 г. второй латышской дивизии работали в её газете «Падомью Латвию» («За Советскую Латвию»), которая доставлялась в оккупированную немцами Латвию. Основанный в Иванове Художественный ансамбль Латвийской ССР регулярно выезжал на фронт для выступлений перед латышскими воинскими частями. В нём работали поэты М. Кемпе и М. Рудзитис.

Многие деятели культуры и науки, не успевшие эвакуироваться и оставшиеся в оккупированной Латвии, не пошли в услужение к нацистам и были подвергнуты репрессиям. В рижской центральной тюрьме погибли молодые поэты Э. Дрезиньш, Я. Атверс, художник и декоратор Государственного театра оперы и балета Я. Айженс, драматург Лукс, видный работник просвещения, депутат Верховного Совета Латвийской ССР Я. Лиекнис. Расстреляна была также жена Я. Лиекниса — заключённая срочной тюрьмы учительница Э. Лиекне-Витенберг. В Валмиере гитлеровцы расстреляли известного врача по лёгочным заболеваниям Л. Кирхенштейн, которую обвинили в том, что она оказывала медицинскую помощь раненым советским воинам. До последних дней войны в заключении находились оперный певец Э. Микельсон, генерал Р. Дамбитис, ужасы фашистской тюрьмы пережили известный врач П. Страдынш, учёный-лесовод Арв. Калниньш, оперный певец А. Вилюманис, литературовед Р. Эгле, учёный-ботаник П. Галениекс, писатель П. Вилипс и др.

Активные участники культурной жизни Советской Латвии в 1940–1941 гг. Э. Бирзние-Упитис, А. Чак, Я. Плаудис, Я. Грот, Р. Эгле, А. и П. Биркерты, Р. Селис остались верными своей родине, не скомпрометировали себя сотрудничеством с оккупантами, перестали печататься и жили в крайней нужде. В то же время ряд писателей, например, такие как А. Эглитис, активно печатались в фашистских изданиях, а в конце войны вместе с отступавшими немцами покинули родину. Вместе с немцами ушли и некоторые демократически настроенные писатели, например, Я. Яунсудрабинь.

Летом и осенью 1944 г. потерпели провал планы немцев использовать латышские воинские соедине-

ния для удержания фронта в Прибалтике. Не помогла и демагогическая аргументация о «защите границ отечества от красной опасности».

Перед началом наступления Советской Армии летом 1944 г. советское командование с помощью разбрасываемых листовок и радиообращений прилагало все усилия к тому, чтобы помочь насильно мобилизованным латышским legionерам найти выход из создавшего положения и избежать напрасных жертв. В марте 1944 г. была распространена листовка за подписью «Латыши — гвардейцы Красной Армии». В ней напоминалось, что многие поколения латышей боролись против гнёта немецких захватчиков, что в период Первой мировой войны латышские стрелки гибли в сражениях с немцами на Пулемётной горке, Острове смерти, в Тирельских болотах. Далее подчёркивалось, что сейчас тысячи латышей как в тылу, так и на фронте ведут решительную борьбу против гитлеризма, причём Латышская дивизия за проявленный в битвах героизм удостоена высокого звания гвардейской. Борясь против гитлеровцев, отмечали латышские гвардейцы, мы поднимаем на весь мир славу латышского народа, сражаемся за освобождение латвийской земли. Листовка заканчивалась словами: «Вы в это суровое для нашей Родины время находитесь в рядах той армии, которая приносит рабство, вы позорите имя латышей ... Приближается час полного разгрома гитлеровской армии... Что вы тогда будете делать? Куда вы денетесь? Надеяться на немцев не стоит. В час своей гибели они выбросят вас на свалку как ненужные вещи. Мы говорим вам: уходите из немецкой армии; в ваших руках оружие — направьте его против немцев. Организованно, с оружием в руках, переходите на сторону Красной Армии или партизан»⁸³.

По состоянию на 1 июля 1944 г. в Латышском легионе СС (включая учебные части) «по спискам числилось» 31446 человек и в шести полках «пограничной охраны» — 12118, а в полицейских полках и батальонах — 14884 человека; помимо того на так называемую вспомогательную службу (в качестве обслуживающего персонала зенитных батарей, а также обозников, личного состава разного рода военных хозяйственных организаций и т. п.) было привлечено до 20 тыс. человек, в основном подростков, которые лицемерно именовались «Hilfswillige der Wehrmacht» («добровольные помощники вермахта»). Однако списочный состав был далеко не идентичен их действительной численности. Бывший офицер легиона А. Блакис признавал: «Две трети находились в легионе, а одна треть — каждый третий — были внесены в списки разыскиваемых, т. е. являлись дезертирами»⁸⁴. Наиболее надёжными немцы считали полицейские батальоны — сборище садистов и палачей, тесно связанных с оккупантами общими преступлениями против человечества. Однако в начале 1944 г. и в эти подразделения были зачислены тысячи мобилизованных «добровольцев», что не замедлило

сказаться на устойчивости этих батальонов: массовое дезертирство стало и для них обычным явлением. Так что, характеризуя ситуацию лета 1944 г., А. Блакис констатировал, что, несмотря на все пропагандистские заявления о «большевистской угрозе», «немцы не надеялись выставить какую-либо более или менее значительную боевую единицу из таких латышей, которые добровольно пошли в их части, не говоря уже о двух многократно пополнявшихся дивизиях. Но на территории Латвии нет также мест, куда десятки тысяч людей могли бы бежать и где они нашли бы укрытие»⁸⁵.

Немецкое командование, чтобы удержать латышских солдат на позициях, пускало в ход всё: посулы, прибавка жалования для офицеров, улучшение питания и увеличение нормы спиртных напитков для солдат, угрозы, запугивание советским пленом и т. п. Несколько групп солдат и офицеров были расстреляны по обвинению в нарушении воинской присяги.

Несмотря на предпринятые меры, в июле 1944 г., когда немецкий фронт от Пскова до Минска стал распадаться под ударами Красной Армии, дезертирство из легиона и латышских полков «пограничной охраны» приняло невиданные до тех пор размеры. Перед лицом начавшегося наступления советских войск и испытывая мощное пропагандистское воздействие политорганов Советской Армии, полки обеих 15-й и 19-й латвийских дивизий и все шесть полков «пограничной охраны» практически прекратили существование как войсковые части: не оказывая почти никакого сопротивления, они бежали и бросали оружие. Чтобы ликвидировать прорыв, штаб группы армий «Север» издал приказ о подчинении латвийских дивизий СС 23-й и 93-й немецким пехотным дивизиям. Первым из средств исправления «плохого морально-политического состояния» латышских солдат явилась пуля. Отряды полевой жандармерии вылавливали бросивших свои части солдат обеих латышских дивизий и без всякого суда и следствия расстреливали. Однако в условиях нарастающего натиска частей Советской Армии уже ничто не могло остановить бегство легионеров. Командование 6-го корпуса СС было вынуждено констатировать негодность обеих латвийских дивизий СС как пехотных соединений и нецелесообразность их использования для активных операций, а также «для защиты их собственного отечества».

17 июля 1944 г. отступавшие в смятении остатки обеих дивизий легиона оказались на территории Латвии. Так совпало, что они вернулись на её землю практически одновременно с 43-й Гвардейской Латышской стрелковой дивизией. Но вернулись в родные места по-разному. Одни как добровольные, а большей частью, вынужденные сообщники ненавистных оккупантов, переживающие крушение вместе с гитлеровской военной машиной. Другие — как победители, с честью выдержавшие суровые испытания войны, и как хозяева своей страны.

Части легиона развалились в такой степени, что возродить 15-ю дивизию немцам не удалось. Из остатков же 19-й Латвийской дивизии СС, ядро которой в своё время составили шесть полицейских батальонов, были сколочены три «боевые группы» силой в один полк. В него было включено также то, что осталось от распавшихся полков «пограничной охраны». Понеся значительные потери в боях под Цесвайне и Нитауре, «боевые группы» 19-й Латвийской дивизии СС отступили вместе с немецкими частями в Курземе. Небольшая территория Курземского полуострова была буквально запружена частями двух немецких армий, тысячами полицаяв и других пособников оккупантов вместе с их семьями. Они сбежали сюда со всей Прибалтики и нескольких областей Северо-Запада РСФСР. «Курземский котёл» гитлеровцы пытались превратить в последнюю твердыню против большевизма на востоке. Здесь немецкое командование, чтобы сохранить видимость «латвийской» дивизии (что было важно прежде всего с политической точки зрения), перевело в неё несколько тысяч немецких солдат. В результате немцы составили почти две трети всех военнослужащих Латвийской дивизии⁸⁶. Этот факт фальсификаторы истории из эмигрантского лагеря умышленно замалчивают и всячески превозносят «подвиги» солдат этой дивизии, называя их «героями Курземской твердыни». На самом деле гитлеровское командование всё меньше доверяло солдатам-латышам, а те, мобилизованные большей частью насильно, не желали воевать против Красной Армии в интересах фашистской Германии и при первой же возможности дезертировали или переходили на сторону советских войск. Это вынуждены признать и сами эмигрантские авторы. Например, в изданной в Стокгольме Латвийской энциклопедии мы читаем следующее: «После этой битвы (речь идёт о боях в октябре 1944 г.) в 19-й дивизии наступил моральный кризис, который проявлялся в частом дезертирстве. Неоднократно солдаты перебежали к врагу. Внешне дисциплина была безупречной; нигде не наблюдалось развала или признаков, характерных для слабой армии... Но всё же солдаты тайком по два или небольшими группами исчезали: из боевых частей — около 500 человек, а из резервной части, которая находилась в районе Дундаги и состояла из молодёжи, призванной на обучение — около 2000 человек»⁸⁷.

Неустойчивость части солдат 19-й Латвийской дивизии СС подтверждают также оперативные донесения штаба 130-го Латышского стрелкового корпуса. Например, в конце декабря 1944 г. отмечалось, что во время боя часть солдат 19-й дивизии воевала слабо и при первой возможности сдавалась в плен. Командование Латышского корпуса в специальном воззвании, подписанном его командиром генерал-майором Д. Бранткалном, призывало жителей оккупированных гитлеровцами районов Курземе скрывать «латышских солдат, дезертировавших из немецкой армии»⁸⁸.

Человеческий ресурс латышских «добровольных» воинских частей истощался с катастрофической для немцев скоростью. После объединений и переформирований к августу-сентябрю 1944 г. от всего латышского воинства остались только Рижский полицейский полк и «Курземский» полицейский полк. От последнего, как свидетельствует один из командиров легиона, произведённый в чин оберфюрера СС А. Силгайлис, по пути из Риги в Дундагу «отбилось» до 40% личного состава⁸⁹. Оба полка были перевезены в Германию, где вместе с некоторыми солдатами 15-й дивизии из схваченных по мобилизации подростков составили три строительных полка, которые были направлены на рытьё траншей в Померанию.

Так бесславно закончился путь латышского легиона, созданного оккупационными властями по приказу Гитлера и при поддержке латышского «самоуправления». Сегодня бывшие легионеры, присягавшие Гитлеру, снова поднимают в Латвии голову. Только непонятно, что они демонстрируют и чем гордятся. Скорее всего, в современной обстановке перелицовки истории Латвии с позиций латышского этнонационализма, запятнавшего себя связью с оккупантами, эти демонстрации и марши носят конъюнктурный характер. Не вызывает сомнений, что кто-то, действительно, храбро сражался и хотел, опираясь на военную машину нацистов, восстановить «старую» Латвию. Однако, подчинив свои наивные стремления циничному принципу «Цель оправдывает средства», эти «герои» не только не достигли цели, ибо она не вписывалась в планы немецких хозяев, но и стали отщепенцами среди своего собственного народа, который не одобрял ни полицейских батальонов, ни мобилизаций в легион, что выразилось в массовом уклонении от призыва и в массовом дезертирстве, часто с риском для жизни.

До конца с немецкими хозяевами оставались «руководство» и персонал так называемого «самоуправления» и полицейских служб, повязанные с захватчиками общими преступлениями и иллюзорной надеждой получить из их рук независимость. Они пережили все этапы агонии немецких оккупантов, которая стала и их собственной агонией. 27 сентября 1944 г., когда большая часть территории Латвийской ССР была освобождена Советской Армией, все генеральные директора «самоуправления» были вызваны в Германию, где им сообщили, что «самоуправление» ликвидируется. Оно сыграло свою роль послушного придатка немецкого оккупационного управления и больше не было нужно. Однако его персонал ещё потребовался немцам, чтобы закрепить за собой стратегический плацдарм в Латвии. На какой-то момент немцы, сообразуясь с собственными планами, даровали своим подручным надежду на независимость. Но в конечном итоге всё вылилось лишь в насмешку и фарс.

20 февраля 1945 г., несмотря на то, что гитлеровцы в Латвии сохраняли в своих руках только лишь

Курземе (Курляндию), в Потсдаме была разыграна комедия провозглашения «независимости» Латвии. В Потсдам было вызвано 50 верных пособников оккупантов из числа офицеров полиции и СС, а также чиновники бывшего «самоуправления». Им было приказано объявить о создании «Латвийского национального комитета». Президентом «комитета» по рекомендации немецких властей стал генеральный инспектор «латышского легиона СС» Бангерскис. Потсдамская комедия началась трехкратно возглашённой Бангерскисом здравицей в честь «любимого фюрера» и окончилась зачитанием поздравительной телеграммы Гимmlера в адрес латышских соратников, которые «на протяжении целого ряда лет, верно соблюдая братство по оружию, вместе с немецким народом и его вооружёнными силами мужественно борются против большевиков и их пособников — англичан и американцев»⁹⁰. Поскольку с помощью этого фарса гитлеровцам не удалось мобилизовать латышский народ к оказанию поддержки немецкой армии, то явившемуся в Курземе Бангерскису было прямо сказано, что создание «Латвийского национального комитета» было актом пропаганды, представляющей события в слишком розовом свете⁹¹.

Вторая попытка провозглашения независимости Латвии состоялась по инициативе командующего немецкими войсками СС в Курземе обергруппенфюрера Крюгера, который, как и Гитлер, был одержим идеей продолжить войну в западной части Латвии даже после разгрома Германии. В сущности он выполнял приказ Гитлера, который категорически требовал удерживать Курземе, подчёркивая, что этот полуостров должен будет сыграть выдающуюся роль в дальнейшем ходе войны и рассчитывая на благоприятный для Германии поворот событий⁹². 3 мая 1945 г. в Лиепае собрались 73 офицера полиции и СС, в том числе 23 бывших латышских политических деятеля и провозгласили себя «Латвийским народным советом», а 4 мая образовали «временное правительство Латвийской республики» во главе с «министром-президентом» полковником СС и полиции Р. Осисом и его заместителем, агентом гестапо Я. Андерсоном. Однако скорая капитуляция немецкой группы армий «Курланд» поставила крест на этой аванюре. Интересно, что остатки 19-й Латвийской дивизии СС, которые вместе с немцами вплоть до 8 мая 1945 г. вели оборонительные бои в Курземе, были разоружены частями 130-го Латышского стрелкового корпуса Красной Армии. Что касается «Временного правительства», то оно исчезло так же быстро, как и появилось. 9 мая 1945 г., в день капитуляции фашистской Германии, оно отбыло из Лиепаи на катерах гитлеровского вермахта.

В мае 1945 г. вся территория Латвии была освобождена от оккупантов.

За подвиги, совершённые в боях на территории Латвийской ССР, примерно 250 воинам Советской Армии, людям разных национальностей, было при-

своено звание Героя Советского Союза, а многие тысячи были награждены орденами и медалями. Около 20 тыс. воинов латышского корпуса и партизан награждено орденами и медалями, звания Героя Советского Союза удостоено 28 человек.

Около 150 тыс. советских воинов, среди них 82 Героя Советского Союза, погибло, освобождая латвийскую землю.

В годы войны латышский народ понёс большие людские и материальные потери. Тысячи жителей Латвии пали на фронтах Великой Отечественной войны, многие десятки тысяч были умерщвлены немецко-фашистскими оккупантами и их прислужниками, около 280 тыс. человек силой и обманом было оторвано от родины и увезено в Германию. В целом к концу войны численность населения республики сократилась более чем на 400 тыс. человек, или более чем на одну пятую.

Население оккупированной Латвии понимало, что с победой Красной Армии будет восстановлена советская власть. Согласно информации, собиравшейся и анализировавшей руководителями партизанского движения Латвии, по мере военных успехов Красной Армии возрастали симпатии в народе по отношению к советской власти. Партизаны и подпольщики зафиксировали значительное количество фактов, свидетельствовавших о лояльных настроениях населения по отношению к приходу Советской Армии⁹³.

Конечно, настроения в пользу советской власти не были однородными. Среди населения было много и таких, которые ожидали Советскую Армию главным образом потому, что ненавидели немцев, а вопрос политического строя на тот момент не имел для них принципиального значения. Были и такие, кто, ненавидя немцев, ожидал прихода Красной Армии и надеялся, что после войны не будет тех явлений, которые им не понравились в период 1940–1941 гг.

Антисоветски была настроена часть населения (националистические слои в городе и деревне), которая хотела восстановления «старой Латвии» и надеялась, что, после того как союзники истощат свои силы в борьбе с Гитлером, Швеция станет гарантом независимой Латвии. Вместе с тем эти силы осознавали бесперспективность своего положения и нереалистичность борьбы с победителями. Поэтому с приближением Красной Армии к территории Латвии представители высшего эшелона немецких пособников, а также «выжидающей оппозиции» ушли с немцами или эмигрировали в Швецию, Данию и другие страны. Рядовой состав полиции с оружием в руках ушёл в леса. Часть бывших полицейских перешла к партизанам, а затем легализовалась, сдав оружие органам советской власти. Другая часть составила базу маргинальных террористических групп, которые действовали в Латвии до начала 1950-х гг.

Именно представители этих сил, запятнавших себя сотрудничеством с нацистскими преступниками, в годы холодной войны стали раздувать миф об «оккупации» Латвии.

Уволенные же в запас из 130-го Латышского стрелкового корпуса воины, а также бывшие партизаны и подпольщики составили в послевоенные годы основной костяк национальных кадров Советской Латвии. Вскоре после войны в феврале 1946 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР, на которых латышский народ получил возможность выразить свою волю. Подавляющее большинство коренного населения Латвии, несмотря на угрозы и террор «лесных братьев», приняло участие в этих выборах и такой формой волеизъявления доказало де-факто своё желание жить, трудиться и участвовать в общественных процессах в составе Союза ССР. Подтвердилось мнение Рузвельта, предложившего Сталину провести плебисцит в прибалтийских республиках в виде выборов и не сомневавшегося, что «народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 г.»⁹⁴.

Заключение

Современные латышские элиты характеризуют процессы, связанные с вхождением Латвии в состав СССР, как оккупацию. Международно-правовая несостоятельность мифа о «советской оккупации» наряду с экспертами МИД России доказана многими авторами⁹⁵. Представляется важным обратить внимание на другое, а именно: латышам (будь то истеблишмент, конструирующий политические мифы, или «рядовые» граждане Латвии, впитавшие эти мифы в свою плоть и кровь), вероятно, стоит всё же обратиться не мифологизированный, а взвешенный и самокритичный взгляд на прошлое своей страны. И тогда бы они увидели, что обвинения в адрес СССР/России построены на песке, а всё дело — в них самих и тех решениях, которые им иногда доводилось принимать на судьбоносных поворотах истории. Пришлось бы признать, что латыши сыграли активную роль во всех трёх российских революциях и выдвинули из своей национальной среды красных латышских стрелков, не раз спасавших большевистский режим в РСФСР от поражения. Пришлось принять тот неоспоримый факт, что у истоков латвийской государственности стояли большевики, и возникла она впервые как советская социалистическая республика. При этом смена власти в Латвии произошла насильственным путём и, что немаловажно, с опорой на германские штыки и помощь Антанты. Пришлось бы согласиться, что, несмотря на репрессии против левых сил и инакомыслящих, борьба за советскую власть и союз с Россией в обретшей независимость Латвии была продолжена и в конечном итоге позволила с опорой на активную часть, а также на молчаливое большинство населения переломить ситуацию в июньские дни 1940 г.

Что касается президента Улманиса и поддерживавших его режим этнополитических элит, то трудно было бы утверждать, что они оказались на

высоте требований, предъявляемых к лидерам формирующихся наций. Посаженные на власть немцами и англичанами в качестве марионеток Запада, они в той или иной степени пребывали в этой роли все двадцать лет, весь период, относимый ныне к эпохе государственной независимости. Не удивительно, что с утратой западных покровителей в связи с начавшейся Второй мировой войной их авторитарно-националистический режим был сметён левыми силами, сумевшими воспользоваться изменившимся соотношением сил внутри страны и за её пределами.

Более того, ни сам Улманис, ни его политическое окружение не оказали никакого сопротивления надвигавшимся на них роковым событиям: не было сделано никаких политических заявлений с целью выразить своё несогласие с якобы происходившей «оккупацией» и тем самым привлечь внимание международной общественности, не было сформировано правительство в изгнании, а сам Улманис своим сотрудничеством с новой властью способствовал тому, что все радикальные перемены произошли в рамках правового поля. Российский историк А. А. Чапенко обратил внимание на одну очень интересную деталь: оформляя в 1991 г. выход из состава СССР, все три прибалтийские республики, при всей риторике о «советской оккупации», приняли декларации о восстановлении независимости, а не о снятии оккупационного режима⁹⁶.

В общем, на что ни обратишь внимание в аргументации сегодняшних латышских элит, везде увидишь противоречия, натяжки, недомолвки, фальсификации и просто политический расчёт.

Раскручивание ими «оккупационной» риторики происходит при забвении того факта, что советское военное присутствие было согласовано с Улманисом и его правительством, которые к тому же оказали содействие благополучному размещению в Латвии советских воинских контингентов.

Их указания на недопустимость проведения выборов в Народный сейм в присутствии иностранных войск не подтверждается международной практикой. В качестве примера можно привести ситуацию в ФРГ до объединения Германии. Там и после снятия оккупационного режима в течение десятилетий оставались воинские формирования западных держав-победительниц. Никому не приходит в голову подвергать сомнению результаты выборов в Западной Германии, равно как и выборы в других странах, где сегодня размещены военные базы США. Можно также напомнить об участии военных контингентов нынешней Латвии в антитеррористических операциях США в Ираке и Афганистане, где после свержения старых режимов были проведены выборы в присутствии иностранных войск.

Весьма спорна квалификация акта вхождения Латвии в состав Союза ССР как аннексии⁹⁷. Все шероховатости этого процесса следует рассмотреть исключительно в научной дискуссии, равно как

и обстоятельства выхода ЛССР из СССР в 1990–1991 гг., которые, кстати сказать, не вписывались в существовавшие в тот период законодательные нормы.

Можно лишь признать справедливыми упреки в том, что латышский народ серьезно пострадал от сталинских репрессий, на которые никак не рассчитывал летом 1940 г. Не следует, по-видимому, забывать и об улманисовских репрессиях, которые проводились жёстко и твёрдо в отношении левых сил.

«Оккупационная» риторика затрагивает не только события 1940 г., но и освобождение Латвии от немецких захватчиков в 1944–1945 гг. Такие обвинения выдвигают представители сил, которые ни в 1940 г., ни в 1944–1945 гг. не имели ни моральных, ни политических прав на власть. Улманис потерял власть в довоенной Латвии, потому что его профашистская диктатура как во внутренней, так и во внешней политике дискредитировала себя в глазах народа. Латышские национальные элиты, выпестованные «отцом-основателем», не могли претендовать на политическое лидерство в послевоенной Латвии, потому что запятнали себя сотрудничеством с гитлеровцами или в качестве так называемых «англофилов» просто выжидали, чья возьмёт. Их надежды на повторение ситуации 1918–1919 гг., когда Улманис получил власть из рук немцев, а затем англичан, были опрокинуты ходом Великой Отечественной и Второй мировой войны, приведших, среди прочих важных результатов, к победе антифашистов и сторонников советской власти во внутривалтийском противостоянии. В раскручиваемом сегодня мифе о советской «оккупации» Латвии в 1944–1945 гг. сквозит претензия на право пособников нацистов и горстки «англофилов» определять судьбу освобождённой от фашистов ЛССР сразу после 1945 г. Нигде в послевоенной Европе коллаборационисты не выступали и не могли выступать с такими претензиями, пусть и в завуалированной форме. Их уделом была денацификация и практически неизбежная маргинализация.

Конечно, СССР, как и Запад, пытался в своих интересах оказывать влияние на ситуацию в прибалтийских странах. Однако вызревание объективных и субъективных предпосылок для перемен в конкретной стране происходит независимо от внешней воли какого-либо одного государства. Поэтому остаётся повторить уже высказанный тезис: латышам следовало бы, наконец, «без гнева и пристрастия» разобраться в своих собственных делах и решениях, а не трактовать не устраивающие их сегодня эпизоды в своей истории в контексте обвинений в адрес СССР/России. И поминать то сложное и трагическое время, бывшие жертвы, потери и достижения всех участников внутривалтийского противостояния — латышских правых и коммунистов, местных русских и балтийских немцев, не забывая, что каждая из сторон имела своих внешних покровителей.

- ¹ Mēneša Biletens Statistikai un Konjunkturai. — 1940. — № 6. — 408. lpp.
- ² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. — Т. 1. — М., 1957. — С. 473.
- ³ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Крипса. — С.126.
- ⁴ Valters M. Mana sarakste ar K. Ulmani un V. Munteru. Printed in Sweden. — 1957. — 144. lpp.
- ⁵ Симиндей В. В. «Антисоветский флирт» авторитарной Латвии (1934–1940): между Лондоном, Парижем, Римом и Берлином // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Н. А. Нарочницкая, В. М. Фалин и др. — М.: Вече, 2009. — С. 250.
- ⁶ Risłaki J. Kur beidzas varavīksne. Krišjānis Berķis un Hilma Lehtonenā. — Rīga, 2004. — 138. lpp.
- ⁷ История внешней политики СССР. — Ч. I. — С. 358.
- ⁸ Brīvā Zeme. -1940. — 12. II. — № 35
- ⁹ Latvijas arhīvi. — 1999. — Nr. 1. — 121., 122. lpp.
- ¹⁰ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Крипса от 27 сентября 1941 г. Идену. — С. 127, 130.
- ¹¹ Cīņa. — 1939. — XI. — № 8.
- ¹² Latvijas Kareivis. — 1939. — № 230.
- ¹³ Valters M. Mana sarakste ar K. Ulmani un V. Munteru. Printed in Sweden, 1957. — 90., 129. lpp.
- ¹⁴ Там же, 129., 131. lpp.
- ¹⁵ Дризул А. Латвия под игом фашизма. — С. 318–319.
- ¹⁶ Цит. по: Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти. — М.: «Наука», 1978. — С. 276 — со ссылкой на Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР, ф. 3235, оп. 1/22, д. 523, л. 19–20, 48–50, 64, 72–74; д. 848, л. 37; оп. 1/7, д. 625, л. 201.
- ¹⁷ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1940. Vol. 1. Washington, 1959. — P. 362.
- ¹⁸ Вторая мировая война. Кн. 1. Общие проблемы. — М., 1966. — С. 302.
- ¹⁹ Сиполс В. Тайная дипломатия. — Рига, 1968. — С. 336.
- ²⁰ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Крипса от 27 сентября 1941 г. на имя Идена. — С. 128 — 129.
- ²¹ Очерки истории Латвии (с 1940 года до наших дней). III брошюра / Под ред. М. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. — С. 4, 6.
- ²² Public Record Office, F. O. 419/34 — P. 272.
- ²³ Сегодня. — 1940. — № 163; Jaunākās Ziņas. — 1940. — № 136.
- ²⁴ Valdības Vēstnesis. — 1940. — № 137.
- ²⁵ 18 июня 1940 г. в Ригу прибыл спецпредставитель — заместитель председателя СНК СССР А. Я. Вышинский, продолжали выполнять свои функции советский полпред В. К. Деревянский и военные представители.
- ²⁶ Например, Я. Брейкш (лидер партии «Демократический центр» до переворота), А. Кениньш (министр просвещения в 1931–1933 гг.).
- ²⁷ Очерки истории Латвии (с 1940 года до наших дней). III брошюра / Под ред. М. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. — С. 11.
- ²⁸ Работники секретариата президента Латвии сохраняли свои должности до ликвидации этого органа в октябре 1940 г.
- ²⁹ Diena. — 2009. — 15. feb.; Час. — 2009. — 15 мая.
- ³⁰ Очерки истории Латвии (с 1940 года до наших дней). III брошюра / Под ред. М. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. — С. 23.
- ³¹ По мнению немецкого историка Эрвина Оберлэндера, авторитарные практики президентских диктатур в Прибалтике оказались «идеальными предпосылками» не для постепенной демократизации, а для быстрого коммунистического государственления общественной жизни и экономики. См.: Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 17.
- ³² Valdības Vēstnesis. — 1940. — N 155.
- ³³ Правда. — 1940. — 19 июля.
- ³⁴ Очерки истории Латвии (с 1940 года до наших дней). III брошюра / Под ред. М. Вирсиса. — Рига: «Звайгзне», 1991. — С. 27, 28.
- ³⁵ Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvija 1940. gadā. (20.VI–5.VIII). Dokumenti un materiāli. — 1963. — 308. lpp.
- ³⁶ Diena. — 2009. — 18. sept.; Вести сегодня. — 2009. — 19 сент.
- ³⁷ Sociālistiskās revolūcijas usvara Latvijā 1940. gadā (20. VI–5. VIII). — Rīga, 1963. — 293. lpp.
- ³⁸ Седьмая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. — М., 1940. — С. 102.
- ³⁹ Там же, с. 204.
- ⁴⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. — М., 1963. — С. 357–358.
- ⁴¹ Пользуясь ослаблением России, вызванным Первой мировой войной и революцией, Румыния в декабре 1917 г. оккупировала Бессарабию, а в ноябре 1918 г. — Северную Буковину, входившую в состав Австро-Венгрии и стремившуюся в соответствии с решением Буковинского народного вече к воссоединению с Советской Украиной. «Изменение западной границы России на румынском участке» было узаконено державами-победительницами в Парижском договоре 1920 г., но никогда юридически не признавалось Советским Союзом.
- ⁴² Соцков Лев. Прибалтика и геополитика // Международная жизнь. — 2007. — № 3. — С. 122

- ⁴³ В аналитической телепередаче «Постскриптум» от 18 апреля 2009 г., а также в статье «Гитлер бы победил, если бы учёные III рейха успели доделать атомную бомбу (Аргументы и факты. — 2009. — 1–7 июля. — С. 47) прозвучала версия, согласно которой в конце войны Гитлер планировал предотвратить поражение рейха и взять реванш, нанеся ядерные удары по США, Великобритании, Франции и по позициям на Восточном фронте. В марте 1945 г., за два месяца до конца войны, в Тюрингии было произведено испытание немецкой атомной бомбы. Она была гораздо меньше американских бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, поскольку её размеры были подогнаны под боеголовку баллистической ракеты Фау-2, способной доставить это оружие массового уничтожения до главных врагов Гитлера. Одновременно шла работа над ракетой Фау-3, обладавшей большей, чем у Фау-2, массой боеголовки и способной нанести ядерный удар по Нью-Йорку. Наступлением на Берлин Советская Армия сорвала планы нацистского фюрера, не позволив усовершенствовать бомбу и средства доставки. Если бы война затянулась хотя бы на несколько месяцев, то прозвучавшая в «Постскриптуме» и «АиФ» версия обрела бы вес реально существовавшей угрозы.
- ⁴⁴ Соцков Л. Прибалтика и геополитика // *Международная жизнь*. — 2007. — № 3. — С. 115–144
- ⁴⁵ Соцков Л. Прибалтика и геополитика. — С. 124.
- ⁴⁶ Нюрнбергский процесс. Т. II.–М., 1958. — С. 550–551.
- ⁴⁷ Военно-исторический журнал. — 1962. — № 12. — С. 25; 1964. — № 11. — С. 74; Кацен В. Кавалеры Золотой Звезды. — Рига, 1948. — С. 28, 59–60.
- ⁴⁸ Дюков Александр. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). — М.: Алексей Яковлев, 2007. — С. 31, 32, 34, 51, 53.
- ⁴⁹ Крысин М. Латышский легион СС: вчера и сегодня. — М.: Вече, 2006. — С. 187.\
- ⁵⁰ Цит. по: Дюков А. Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии. — М.: Алексей Яковлев, 2007. — С. 61.
- ⁵¹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 — С. 390.
- ⁵² Цит по: Крысин М. Латышский легион СС: вчера и сегодня. — М.: Вече, 2006. — С. 193.
- ⁵³ Телеграмма начальника 4-го управления СД от 29 июня 1941 г. / Латвия под игом нацизма. Сборник архивных документов. — М.: «Европа», 2006. — С. 15–16.
- ⁵⁴ Tēvija. — 1941. — 5.VII.
- ⁵⁵ Tēvija. — 1941. — 10.VII.
- ⁵⁶ Silgailis A. Latviešu leģions. 2. izd. — Kopenhāgenā, 1964. — 9. lpp.
- ⁵⁷ Arklāns B., Dzirkalis J., Silabriedis J. Viņi bez maskas. — Rīgā, 1966. — 50. lpp.
- ⁵⁸ Протокол допроса обвиняемого Каминскиса С.Я. от 7 марта 1949 г. / Латвия под игом нацизма. — С. 237.
- ⁵⁹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — Рига: «Зинатне», 1970. — С. 299.
- ⁶⁰ Сообщение Секретарю ЦК КП(б) Латвии Т. Калнберзиню о положении в оккупированной немцами Латвии и о борьбе Латышского народа против немецких захватчиков, не ранее декабря 1942 г. / Латвия под игом нацизма. — С. 264.
- ⁶¹ Заявление свидетеля Раге М.Л. в Государственную чрезвычайную следственную комиссию от 10 сентября 1944 г./ Латвия под игом нацизма. — С. 45.
- ⁶² сноска: Собрание представителей министерств и ветвей власти нацистской Германии, состоявшееся 20 января 1942 года на вилле «ванза», расположенной на улице Am Grossen Wannsee в Берлине
- ⁶³ Сноска: См.: Латвия// Холокост на территории СССР: Энциклопедия / гл. Редактор И. А. Альтман, М.: РОССПЭН; Научно-просветительный центр «Холокост», 2009. — С. 509.
- ⁶⁴ Служебная записка НКГБ СССР о фальсификации гестапо «большевистских зверств» в Прибалтике. Не ранее апреля 1945 г. / Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. — М.: Европа, 2006. — С. 65–66; Дюков А. Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). — М., 2007. — С.78–79).
- ⁶⁵ Чапенко А. А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны. — Мурманск: МГПУ, 2008. — С. 133.
- ⁶⁶ Tēvija. — 1942. — 26.I.
- ⁶⁷ Латвия под игом нацизма. — С. 288.
- ⁶⁸ см., например, Сборник документов «Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944 гг. — М.: Фонд «Историческая память», 2009.
- ⁶⁹ Следует сказать, что в дальнейшем его «заслуги» будут оценены не только фашистской Германией, но и современной Латвией. В 1990-е гг. его останки были перевезены из ФРГ в Латвию и перезахоронены на Братском кладбище в Риге у статуи Матери Латвии.
- ⁷⁰ Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты. — С. 130.
- ⁷¹ Мы обвиняем. — Рига, 1967. — С. 277, 279–282.
- ⁷² Silabriedis J., Arklāns B. «Politiski bēgli» bez maskas. — Rīgā, 1963. — 55. lpp.
- ⁷³ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. — С. 308.
- ⁷⁴ Протокол допроса свидетеля Лаугалайтиса К. А. от 2 ноября 1944 г.; Акт об истреблении немецко-фашистскими захватчиками на территории Латвийской ССР 35000 советских детей /Латвия под игом нацизма. — С. 61–63, 82–87.
- ⁷⁵ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. — С. 319, 320.
- ⁷⁶ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. — Рига, 1946. — С. 127–128.

- ⁷⁷ Латвия под игом нацизма. — С. 270–271.
- ⁷⁸ Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. — Рига, 1946. — С. 124.
- ⁷⁹ Freivalds O. Latviešu politiskās partijas 60 gados. — Kopenhāgenā, 1961. — 133. lpp.
- ⁸⁰ Kalniņš B. Latviešu sociāldemokrātijas 50 gadi. — Stokholmā, 1956. — 294. lpp.
- ⁸¹ Freivalds O. Latviešu politiskās partijas 60 gados. — Kopenhāgenā, 1961. — 150. lpp.
- ⁸² Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — С. 893–900.
- ⁸³ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. — С. 656–657.
- ⁸⁴ Blāķis Ā. Medalas otrā puse. — Buenosairesā. — 72. lpp.
- ⁸⁵ Blāķis Ā. Medalas otrā puse. — Buenosairesā. — 41. lpp.
- ⁸⁶ Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Книга третья. Рига, 1969. — С. 247, 832.
- ⁸⁷ Lātviju enciklopēdija. II sēj. — Stokholmā, 1952–1953. — 1138. lpp.
- ⁸⁸ Samsons V. Kurzemes partizāņi. 2. izd. — Rīgā, 1959. — 316–317. lpp.
- ⁸⁹ Silgailis A. Latviešu leģions. 2. izd. — Kopenhāgenā, 1964. — 248. lpp.
- ⁹⁰ Blāķis Ā. Medalas otrā puse. — Buenosairesā. — 137. lpp.
- ⁹¹ Samsons V. Kurzemes partizāņi. Rīgā, 1959. — 305–306. lpp.
- ⁹² Ганкевич В. М. Конец группы «Норд». — Л., 1965. — С. 217.
- ⁹³ Латвия под игом нацизма. — С. 290–295, 331–332.
- ⁹⁴ Запись беседы И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом от 1 декабря 1943 года/ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. 28 ноября — 1 декабря 1943 г.
- ⁹⁵ Например: Черниченко С. В., Чигарев В. М. Континуитет, идентичность и правопреемство государств. — М.: Изд. ДА МИД РФ, 1996; Чапенко А. А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны: Очерки. — Мурманск: МГПУ, 2008; Никифоров И. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии / Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. Фонд «Историческая память». — М., 2009.
- ⁹⁶ А. А. Чапенко. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны: Очерки. — Мурманск, 2008. — С. 115.
- ⁹⁷ Тезиса об аннексии Литвы, Латвии и Эстонии Советским Союзом придерживаются и некоторые российские ученые. См., например: Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. — М., 2008. — С. 19.